

С. Косман. ДНЕВНИК ПУШКИНА. S. Kosman. JOURNAL INTIME DE POUCHKINE.

СЕРГЕЙ КОСМАН

ДНЕВНИК ПУШКИНА

ИСТОРИЯ ОДНОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

П а р и ж

1970

СЕРГЕЙ КОСМАН

ДНЕВНИК ПУШКИНА

ИСТОРИЯ ОДНОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

П а р и ж

1970

Copyright by the author.

Под первой правдой есть вторая,
Под нею третья, а под ней
Бегут, — сплетаясь и играя
С неправдой, — правды дальних дней.

А. С. Вознесенский.

ГЛАВА 1

ПРЕСТУПЛЕНИЕ НА УЛИЦЕ ЛОКСУМ

9 апреля 1940 года жильцы дома номер 36 по улице Локсум в Брюсселе были разбужены на рассвете выстрелами раздавшимися во втором этаже. Вызванные полицейские взломали дверь в квартиру. В спальне на кровати лежал мужчина лет тридцати, с двумя огнестрельными ранами. Он был мертв. В соседней комнате на полу истекала кровью молодая женщина с простреленной грудью. Она все еще сжимала в руках револьвер. Ее отвезли в больницу Святого Петра, где она умерла на следующий день, не приходя в сознание.

Для полиции все было ясно: произошло убийство и самоубийство на романтической почве.

В квартире нашли паспорт, выданный парижской префектурой на имя балетного танцовщика Николая Антонова, родившегося в 1910 году в Киеве. Запрошенная префектура сообщила, что Николай Антонов — француз по натурализации, что ни в чем предосудительном он замечен не был, и что в Париже живет мать убитого. Ей сообщено о смерти сына; находясь на излечении в больнице, она не сможет приехать на похороны.

В сумке самоубийцы были найдены нансенский паспорт и бельгийский вид на жительство, выданные в Брюсселе на имя студентки Анны Савицкой, русской эмигрантки, родившейся в 1912 году в Москве. Однако служащий отдела актов гражданского состояния брус-

сельской городской управы, составлявший акт о смерти, установил, что и паспорт и вид на жительство были поддельными.

О преступлении на улице Локсум газеты писали мало. Не до того было: произошли грозные события — 9 апреля германская армия открыла военные действия в Дании и в Норвегии.

А 10 мая немцы вторглись в Бельгию: началась четырехлетняя оккупация страны.

Брюссельская полиция, заваленная работой, поспешила сдать в архив дело «Об убийстве французского подданного Николая Антонова и о самоубийстве неизвестной, проживавшей по поддельным документам на имя Анны Савицкой».

Это дело лежит теперь передо мною. В папке — полицейские протоколы, отношение парижской префектуры, переписка с Департаментом государственной безопасности и т. п. Среди бумаг — показание хозяина дома на улице Локсум: ни Антонов, ни Савицкая лично ему известны не были, ничего о них сообщить он не может; он сдал квартиру, где произошло преступление, с 1 апреля 1940 года, меблированной, по объявлению в газете. В деле имеется любопытное показание некоего Буккарта, квартира которого была расположена во втором этаже, напротив той, где произошло преступление. Привожу это показание полностью: «В ночь с 12 на 13 апреля, страдая бессонницей, я ходил по квартире. Проходя через переднюю, я услышал шорох на лестнице. Сквозь окошечко, проделанное во входной двери, я увидел, что у двери соседней квартиры стояли двое неизвестных. При свете карманного электрического фонарика, они сняли сургучные печати, наложенные судебным следователем, и отперли висячий замок, повешенный им же: дверной замок был поврежден при взломе полицией двери. Один из неизвестных остался на лестнице, другой проник в квартиру, где он пробыл минут пять. Вынес ли он что-либо из квартиры, сви-

детель не заметил. Затем неизвестные вновь прикрепили печати и заперли висячий замок ».

Последний в деле документ — протокол судебного пристава о продаже с аукциона несложного имущества покойных: это были чемоданы, одежда, белье, кое-какие драгоценности, три пакета русских книг...

ГЛАВА 2

В КАННАХ С ДЯГИЛЕВЫМ

В 1928 году я провел весну на юге Франции, в Каннах. Жил я на Круазетте, и если память мне не изменяет, в «Карльтоне». Однажды утром, в ожидании завтрака, я вышел на балкон. В руках у меня был последний номер парижской русской газеты. На третьей странице была напечатана статья о гастролях Русского Балета в Монте-Карло. К статье была приложена фотография С. П. Дягилева. Как раз накануне я был на представлении Русского Балета, устроенном в Каннах с благотворительной целью англичанкой графиней Торби.

Вдруг я услышал необычайно приятный «барский» голос:

— Который теперь час, земляк? Я забыл, кажется, завести часы.

Я оглянулся и остолбенел: на соседнем балконе стоял сам Дягилев.

После завтрака я поспешил спуститься в холл гостиницы с программой вчерашнего представления. Увидя сошедшего в холл Дягилева, я подошел к нему, представился и обратился с просьбой надписать программу, что он охотно сделал. Я собирал тогда автографы знаменитостей. Мы вышли вместе из гостиницы; я попросил Дягилева разрешить сопутствовать ему. Дягилев сказал мне, что каждый день утром он совершает длинную прогулку. Мы пошли по Круазетте. Я рассыпался в комплиментах о вчерашнем спектакле.

Как ни странно, Дягилев слушал мои наивные комплименты с видимым удовольствием. Я привел в заключение пушкинское: « Русской Терпсихоры душой исполненный полет ».

— Я вижу, вы в дружбе с Пушкиным, — сказал Дягилев.

Я не удержался, чтобы не похвастаться, что являюсь счастливым обладателем пяти книг из библиотеки Пушкиных.

— Как так! — воскликнул Дягилев.

И я рассказал ему, как мне удалось приобрести эти книги.

Жил я тогда в Вильне, кончал гимназию. Наш преподаватель словесности Богоявленский (сын епископа виленского Елиферия) рассказал нам, что в Вильне хранятся вещи, привезенные из села Михайловского и принадлежавшие Пушкину. Реликвии эти находятся в одном доме на окраине города, в Моркутье. Богоявленский сказал нам, что он знаком с людьми, живущими в этом доме, и что он желал бы свести нас туда. Он предложил нам прийти в ближайшее воскресенье на обедню в Николаевский собор: « После богослужения мы пойдем в Моркутье, это недалеко от собора ».

« Пушкинский » дом находился в самом конце улицы Субоч. Это был довольно вместительный особняк. Сам дом, усадебные постройки и сад находились в большом запустении. Как нам рассказал Богоявленский, особняк был построен в середине прошлого века тестем младшего сына Пушкина, Григория. Григорий Александрович прожил около тридцати лет в селе Михайловском. В юбилейный 1899 год он продал Михайловское правительству, намеревавшемуся устроить там Пушкинский музей, и уехал в Вильну, где он поступил на службу по судебному ведомству. Григорий Александрович привез из Михайловского в Вильну часть мебели принадлежавшей отцу, некоторое коли-

чество книг из Михайловской библиотеки и кое-какие вещи принадлежавшие поэту. Григорий Александрович скончался в 1905 году, не оставив потомства . . .

Двери нам открыла пожилая дама, если память мне не изменяет, родственница жены Григория Александровича. Она разрешила нам осмотреть дом и сказала, что во время войны присмотр за домом был поручен дворнику, который унес из дому и продал много вещей и книг. В доме мне запомнились мягкие кресла, диван, письменный стол и пустой книжный шкаф. Запомнился мне также ствол дерева, лежавший во дворе: это была будто бы одна из трех воспетых Пушкиным сосен, росших на полпути между Михайловским и Тригорским.

А несколько дней спустя, проходя по Благовещенской улице, я увидел в витрине букиниста Эльперна книгу: « Руслан и Людмила. Поэма в шести песнях. Соч. А. Пушкина. Санктпетербург. В типографии Н. Греча. 1820 ». Это было первое издание поэмы !

Я зашел в магазин, справился о цене. Букинист сказал мне, что у него имеется еще около полусотни книг пушкинского времени. На мой вопрос, где он приобрел эти книги, букинист ответил:

— Что значит, где я купил ? Я продаю, вы покупаете, а какой может быть интерес откуда эти книги.

Все же из дальнейшего разговора выяснилось, что книги из Моркутья. Следовало бы мне купить все книги, но я находился тогда в стесненных денежных обстоятельствах, и мне пришлось ограничиться покупкой лишь пяти книг. Это были: « Руслан и Людмила », книга увиденная мною в витрине, « Братья разбойники », « Цыганы », « Полтава » и « Борис Годунов ». Все — первые издания ! Принадлежали ли эти книги самому Пушкину ? Когда после женитьбы Пушкин окончательно поселился в Петербурге, он перевез туда из Михайловского свою библиотеку. После его смерти она находилась во владении наследников. В 1906 году биб-

лиотеку приобрела Академия Наук. В библиотеке не оказалось совершенно сочинений самого Пушкина. Возможно, что Григорий Александрович отобрал их и привез в Михайловское.

Вскоре после того я уехал за границу, откуда через некоторое время написал в Вильну одному моему знакомому, прося купить все книги пушкинского времени, которые имеются у букиниста, и прислать их мне. К тому времени я не получил еще ответа.

Дягилев очень заинтересовался моим рассказом, и он попросил меня уступить ему часть книг, которые я ожидал из Вильны, что я охотно обещал. Впоследствии люди хорошо знавшие Дягилева рассказали мне, что как раз в это время Дягилева охватила неистовая, безудержная страсть к коллекционированию редких книг. Собираение редких книг сделалось целью его жизни.

— А знаете ли вы, — сказал Дягилев, — что вот тут, в Каннах, живет внучка Пушкина? Я знаком с ней. Это и есть та самая графиня Торби, устраивавшая вчерашний благотворительный спектакль.

И он рассказал мне следующее.

— У Пушкина было четверо детей: двое сыновей и две дочери. Старший сын, Александр Александрович, жил постоянно в Москве, где и умер в 1914 году в чине генерала-от-кавалерии. О младшем сыне, Григории Александровиче, вы сами мне рассказали. Старшая дочь, Мария Александровна, была замужем за генералом Гартунгом. Лев Толстой был лично знаком с Марией Александровной, и она послужила ему типом Анны Карениной, не характером, не жизнью, а наружностью. Мария Александровна умерла в Москве, уже в советское время.

— Недавно я прочел в «Записках Писателя» Достоевского статью о генерале Гартунге, ставшего героем нашумевшего судебного процесса: запутанный в темное дело о наследстве, он застрелился в здании

Московского Окружного Суда, когда присяжные вынесли обвинительный приговор. Не тот ли это Гартунг? — спросил я.

— Увы, это тот самый... Младшая дочь поэта, Наталия Александровна, унаследовала красоту матери. Ей было 16 лет, когда она вышла замуж за блестящего флигель-адъютанта Дубельта, сына начальника корпуса жандармов. Наталия Александровна переехала из Петербурга на Волынь, в Немиров, где служил ее муж. От этого брака у Наталии Александровны было трое детей. Наталия Александровна была женщиной взбалмошной, властной, нрава необузданного. После нескольких лет совместной жизни она покинула мужа и уехала в Петербург. Супруги получили развод. В Петербурге, на одном придворном балу, Наталия Александровна познакомилась с принцем Николаем Нассауским, младшим братом герцога Люксембургского. Принц Нассауский влюбился в Наталию Александровну и сделал ей предложение. Венчание произошло за границей, в Лондоне. Поскольку брак был мorganатический, Баварский король пожаловал Наталии Александровне титул и фамилию графини Меренберг. Она умерла здесь, в Каннах, в 1913 году.

— Дочь Наталии Александровны, графиня София Николаевна Меренберг, внучка Пушкина, вышла замуж за великого князя Михаила Михайловича. Этот мorganатический брак наделал в свое время много шума.

— По существовавшим у нас законам члены императорской семьи могли сочетаться браком лишь с лицами «соответственного по происхождению достоинства», и только с дозволения императора. В доме Романовых мorganатические браки были редкостью. Известен брак Константина Павловича с полькой, графиней Грудзинской. Тайный мorganатический брак заключила также великая княгиня Мария Николаевна, старшая дочь Николая I. Мария Николаевна была за-

мужем за герцогом Максимилианом Лейхтенбергским. Овдовев, Мария Николаевна тайно повенчалась с графом Строгановым. Но зная непреклонность Николая I в династических вопросах, она не посмела признаться отцу в заключенном ею неравном браке. По-видимому, Николай I все же знал об этом мезальянсе, но делал вид, что ему ничего неизвестно. Когда император навещал Марию Николаевну, то граф Строганов сидел в гостиной как гость, с цилиндром на коленях и с перчатками в руке. Много шума наделал также мorganатический брак Александра II: за год до своей смерти царь обвенчался с княжной Долгорукой, с которой он был в связи уже много лет.

— Великий князь Михаил Михайлович был внуком Николая I. Он познакомился в Ницце с семьей графини Наталии Александровны Меренберг, влюбился в ее дочь, Софию Николаевну, и просил ее руки. Но зная, что Александр III не даст разрешения на этот брак, он решил обойтись без императорского дозволения, и обвенчался с Софией Николаевной за границей, в Сан-Ремо. София Николаевна получила от герцога Люксембургского титул и фамилию графини Торби. Мorganатический брак Михаила Михайловича вызвал его опалу и запрещение жить в России. С воцарением Николая II положение изменилось, и Михаил Михайлович с Софией Николаевной могли вернуться в Россию, но они сами того не пожелали.

— В царствование Николая II двое великих князей заключили совершенно скандальные браки. Великий князь Павел Александрович влюбился в жену одного офицера и, после того, как она получила развод, увез ее за границу и обвенчался с нею. Другой великий князь, Михаил Александрович, женился в Австрии на дочери одного московского адвоката, бывшей уже два раза замужем и два раза разведенной. Павел Александрович и Михаил Александрович беспрепятственно вернулись с женами в Россию.

— Решение Михаила Михайловича не возвращаться на родину спасло ему жизнь, иначе он погиб бы, вероятно, как погибли в 1918-1919 г. почти все члены императорской фамилии.

— Михаил Михайлович и София Николаевна живут в Лондоне, но несколько месяцев в году проводят здесь, в Каннах, где им принадлежит вилла Люна Нова.

Когда Дягилев кончил свой рассказ, я стал умолять его представить меня Софии Николаевне. Подумать только: внучка Пушкина! Мой энтузиазм рассмешил Дягилева, и он сказал, что на днях будет у Софии Николаевны с визитом, и что он возьмет меня с собой. Действительно, уже на следующий день швейцар гостиницы передал мне записку Дягилева: « Ждите меня сегодня в четыре в холле гостиницы. Мы поедем на виллу Люна Нова ». Впоследствии злые языки говорили, что Дягилев решил представить меня Софии Николаевне из расчета, что в благодарность за это я уступлю ему книги, которые я ожидал из Вильны.

ГЛАВА 3

ВЕЧЕРА НА ВИЛЛЕ ЛЮНА НОВА

Вилла Люна Нова была просторным домом, весьма благообразной архитектуры, расположенным в обширном саду. Все кругом цвело и благоухало — ранняя южная весна была в полном разгаре. Пышно распускались мимозы, розовым дымком цвели миндальные деревья, мягко белели акации. На фоне синего неба высились кипарисы. Теплый ветер колыхал гибкие ветви шиповника, свисавшие со стен...

Мы вошли в дом. Нас ждали и сразу провели в гостиную, где у отворенного окна сидели в креслах с газетами в руках Михаил Михайлович и София Николаевна. Они приняли нас с большим радушием. Дягилев представил меня. Начался разговор о благотворительном спектакле: все были довольны — представление прошло с огромным успехом. Затем Дягилев предложил мне рассказать мою виленскую историю. Заикаясь и путаясь, я повторил то, что уже рассказал Дягилеву.

— Григория Александровича я хорошо помню, — сказала София Николаевна. — До самой его смерти я была с ним в переписке.

После чая София Николаевна показала нам хранившиеся у нее десять писем Пушкина к Наталии Николаевне, написанных когда она была еще невестой, и одно письмо к ее матери. Это были сильно пожелтевшие листы, с выцветшими, приобретшими ржавый

оттенок строками. Все они были написаны по-французски.

— Я оставлю вам, Сергей Павлович, по завещанию одно из этих писем, — сказала София Николаевна Дягилеву, — вот это: письмо Пушкина своей будущей теще.

По всему было видно, что шармер Дягилев совершенно очаровал Софию Николаевну (см. примечание 1).

София Николаевна и Михаил Михайлович пригласили меня бывать у них запросто.

Природа щедро одарила Софию Николаевну и Михаила Михайловича. Она дала им ясный ум, сердце незлобливое, знатность, богатство. Это были подлинные аристократы, в том смысле, как это слово понимали в древности: избранные по духу, избранные по происхождению. София Николаевна и Михаил Михайлович были людьми отменно образованными, они много читали, много думали о прочитанном. К этому следует прибавить, что они были людьми весьма остроумными и очень хорошо чувствовали юмор. Беседовать с ними было настоящим наслаждением.

София Николаевна и Михаил Михайлович были уже в очень преклонных годах, и в тот год они много болели и нигде не бывали. В этом возрасте люди обычно любят поговорить и предаться воспоминаниям. Окружение же их состояло из людей, которых их рассказы едва ли могли интересовать. Софии Николаевне и Михаилу Михайловичу нужен был слушатель. Этим я объясняю то благорасположение, с которым они отнеслись ко мне. Слушателем же я был превосходным: я просто упивался их рассказами (София Николаевна, назвала меня однажды « талантливым слушателем »). Михаил Михайлович и София Николаевна рассказывали об их жизни в России и в Англии, о царской семье, об английской аристократии, в среде которой они вращались, о событиях, свидетелями которых они

были, о людях, с которыми им пришлось встречаться на их долгом жизненном пути.

Но самыми увлекательными были их рассказы о Пушкине. Эти рассказы настолько меня заинтересовали, что я завел тетрадь, и каждый вечер, вернувшись домой, заносил в нее все, о чем говорилось в тот день о Пушкине.

В наших беседах о Пушкине мы беспорядочно перескакивали с одного предмета на другой. Стремясь к связности изложения, я расположил произведенные мною записи, которые предлагаю ныне вниманию читателя, в некоторой последовательности, сгруппировав их, так сказать, по темам. Михаил Михайлович приносил иногда в гостиную увесистую тетрадь, в которую уже много лет, как он записывал свидетельства современников о Пушкине и о людях, с которыми Пушкин встречался. Михаил Михайлович и София Николаевна читали мне выписки из этой тетради. Выписки эти я восстановил по первоисточникам.

1. « Я НАШЕЛ БОГА В СВОЕЙ СОВЕСТИ И В ПРИРОДЕ, КОТОРАЯ ГОВОРИЛА МНЕ О НЕМ »

— Вы говорите, что биографии Пушкина вас не удовлетворяют, что в них облик Пушкина кажется вам искаженным, — сказала София Николаевна. — Вы совершенно правы. Правдивая, беспристрастная, не ретушированная, не тенденциозно-односторонняя биография Пушкина еще не написана. Желая возвеличить Пушкина, его ставят неизменно на ходули. Нужды в них нет: и без этих ходуль Пушкин достаточно велик. И чем больше пишут о Пушкине, чем больше мудрят над ним, тем более затуманивается облик поэта... Панегристы Пушкина изображают его не таким, каким

он был в действительности, а таким, каким им хотелось бы, чтобы он был. У каждого из них свой Пушкин.

— Меня больше всего возмущает утверждение многих нынешних исследователей Пушкина, что он был атеистом, — продолжала София Николаевна. — Нужно поистине удивляться недобросовестности тех пушкинистов, которые при нынешнем состоянии пушкиноведения, продолжают утверждать, будто Пушкин был человеком неверующим. Атеистом Пушкин никогда не был. Он не был чужд живого религиозного чувства и в раннем возрасте, но особенно сильно благочестие пробудилось в нем во второй половине жизни. Только глубоко верующий человек мог написать такие стихотворения, как «Пророк», «Великопостная молитва» («Отцы пустыньники и жены непорочны...») и «Памятник», в котором Пушкин требует от своей музы быть послушной велению Божию. В стихотворении «Поэт» Пушкин называет лиру святой и объясняет тайну творчества, как прикосновение Божественного глагола. О глубокой вере Пушкина говорят также его отзыв о книге Сильвио Пеллико «Об обязанностях человека» и рецензия на «Словарь о Святых прославленных в Российской Церкви». В 1830 году Пушкин записал: «Не признавать существования Божьего значит быть нелепее народностей, думающих по крайней мере, что мир покоится на носороге... Имеется нечто такое отвратительное, как атеизм».

— И как многозначителен обмен стихотворениями, происшедший между Пушкиным и митрополитом московским Филаретом! — воскликнула София Николаевна. — Митрополит, прочитав стихи Пушкина: «Дар напрасный, дар случайный, жизнь, зачем ты мне дана? Иль зачем судьбою тайной ты на казнь осуждена?..», написал на них своего рода поучительную палинодию: «Не напрасно, не случайно жизнь от Бога мне дана... Сам я своенравной властью зло из темных бездн воззвал, сам наполнил душу страстью,

ум сомнением взволновал . . . » Пушкина очень тронуло это стихотворение Филарета, и он ответил ему стихами: « В часы забав иль праздной скуки . . . », в которых он писал, что, слушая обличения Филарета, он лил потоки неожиданных слез, что ранам его совести отраден был чистый елей благоуханных речей митрополита. Пушкин закончил это стихотворение строфой: « Твоим огнем душа палима, отвергла мрак земных сует, и внемлет арфе серафима в священном ужасе поэт ».

— Пушкин глубоко чтит Святое Писание. « Библия — ключ живой воды », — писал он. — « Я читал Библию от доски до доски. Так бывает всегда со Священным Писанием, сколько его не перечитьвай, чем больше им проникаешься, тем более все расширяется и освещается ». О Евангелии Пушкин выразился так: « Вот единственная книга в мире: в ней все есть . . . Есть книга, коей каждое слово истолковано, объяснено, проповедано во всех концах земли, из коей нельзя повторить ни единого выражения, которое не знали бы все наизусть, но книга сия называется Евангелием — и такова ее вечно новая прелесть, что если мы, пресыщенные миром, или удрученные унынием, случайно откроем ее, то уже не в силах противиться ее сладостному увлечению и погружаемся духом в ее божественное красноречие ».

— Пушкину нередко приписывают увлечение философией XVIII века. А между тем он решительно отверг ее и именно за ее атеистический дух. « Ничто », — писал он, — « не могло быть противоположнее поэзии, как та философия, которой XVIII век дал свое имя, ибо она была направлена против религии, вечного источника поэзии у всех народов ».

— « Я нашел Бога в своей совести и в природе, которая говорила мне о Нем », сказал Пушкин А. И. Тургеневу. А в одном из писем Пушкина к жене мы читаем такие трогательные строки: « Благодарю тебя за то, что ты Богу молишься на коленях посреди ком-

наты. Я мало Богу молюсь и надеюсь, что твоя чистая молитва лучше моих, как для меня, так и для нас ».

— Современники поэта неизменно говорят о нем, как о верующем человеке. Так Плетнев в письме Гроту пишет: « Написать записки о моей жизни мне завещал Пушкин за несколько дней до своей смерти. У него тогда было какое-то высоко-религиозное настроение. Он говорил со мною о судьбах Промысла ». В « Материалах » Анненкова мы читаем: « Незадолго до своей смерти Пушкин задумчиво рассказывал одному из своих друзей о том, что все важнейшие события его жизни совпадали с днем Вознесения, и передал ему твердое свое намерение выстроить со временем в селе Михайловском церковь во имя Вознесения Господня. Упомянув о таинственной связи своей жизни с одним великим днем духовного торжества, он прибавил: Ты понимаешь, что все это произошло даром и не может быть делом одного случая ». « Я сказала Пушкину: Уверюют, что вы неверующий », — пишет в своих « Записках » Смирнова. — « Он расхохотался и сказал, пожимая плечами: Значит, они считают меня совершеннейшим кретином ». В « Воспоминаниях » Юзефовича мы находим: « Пушкин был глубоко верующим человеком ».

— На религиозность Пушкина обратили внимание также поляк Мицкевич и француз Барант. Мицкевич писал о нем: « Пушкин любил разбирать высокие религиозные вопросы, о которых его землякам и не снилось ». Барант, который находился при умирающем Пушкине, заметил: « Я не подозревал, что у Пушкина такой религиозный ум ».

— Умер Пушкин как подобает христианину. Спасский, домовый доктор Пушкиных, рассказывает: « Я сказал ему об исполнении христианского долга. Он тот же час на то согласился. — За кем прикажете послать? — спросил я. — Возьмите ближайшего священника, —

ответил Пушкин. Послали за отцом Петром . . . » Ек. Н. Карамзина пишет: « Он исполнил долг христианина с таким благоговением и таким глубоким чувством, что даже престарелый духовник его был тронут и на чей-то вопрос по этому поводу отвечал: — Я стар, мне уже не долго жить, на что мне обманывать? Вы можете мне не верить, когда я скажу, что я для себя самого желаю такого конца, какой он имел ». Князь Вяземский, друг поэта, пишет: « Священник говорил мне со слезами о нем и о благочестии, с коим он исполнил долг христианский. Пушкин . . . имел сильное религиозное чувство: читал и любил читать Евангелие, был проникнут красотой многих молитв, знал их наизусть и часто твердил их ».

— Когда для Пушкина пробил смертный час, он отрекся от всего земного. Этого не понял Лермонтов, думавший, что Пушкин умер с жаждой мести. На смертном одре Пушкин проявил, как выразился Плетнев, « высокое религиозное настроение ». Аммосов и поэт Веневитинов рассказывают, что когда Данзас сказал умирающему, что готов отомстить за него тому, кто его поразил, Пушкин ответил, что он все простил, не хочет, чтоб кто-нибудь мстил за него, и желает умереть христианином.

— Вера Пушкина была здоровой и ясной, чуждой духовных уклонов того времени: сухого рационализма с одной стороны и мрачного мистицизма с другой. Веровал Пушкин не мудрствуя лукаво, а так, как искони веков веровали миллионы русских людей. Он выполнял все церковные обряды: говел, исповедовался, причащался, служил панихиды по родственникам и друзьям.

— В роде Пушкиных с незапамятных времен хранилась металлическая ладанка с заключенной в ней частицей ризы Господней. Она — обязательное достояние старшего сына, и ему вменялось в обязанность 10 июля, в день Праздника Положения Ризы,

служить перед этой святыней молебен. Пушкин всю свою жизнь это исполнял и завещал жене соблюдать то же самое, а когда наступит время, вручить ее старшему сыну, взяв с него обещание никогда не уклоняться от семейного обета.

— В доказательство неверия Пушкина, — сказал я, — приводят обычно его богохульную поэму «Гаврилиада» и известное письмо Кюхельбекеру об атеизме. Как мог Пушкин, будучи человеком верующим, написать что-либо подобное?

— Ответ на ваш вопрос о «Гаврилиаде» мы находим у Бартенева, — сказала София Николаевна. — Вот что он пишет: «К 1822 году следует отнести ту рукописную поэму, в сочинении которой Пушкин потом так горько раскаивался. Пушкин всячески истреблял ее списки, выпрашивал, отнимал их и сердился, когда ему напоминали о ней. Уверяют, что он позволил себе сочинить ее просто из молодого литературного щегольства. Ему захотелось показать своим приятелям, что он может в этом роде написать что-нибудь лучше стихов Вольтера и Парни». Образчиком для «Гаврилиады» послужила непристойная поэма Вольтера «Орлеанская Дева». К слову, впоследствии Пушкин писал, что «Орлеанскую Деву» мог написать только «пьяный дикарь».

— То, что Пушкин написал «Гаврилиаду», вызывало у него чувство мучительного стыда. Так, в письме Соболевского Лонгинову мы читаем: «Я помню, как Пушкин глубоко горевал и сердился при всяком, даже нечаянном напоминании об этой прелестной пакости». В том же духе пишет в своих «Воспоминаниях о Пушкине» Юзефович: «Однажды один болтун, думая, конечно, угодить Пушкину, напомнил ему об одной его библейской поэме и стал было читать из нее отрывок; Пушкин вспыхнул, на лице его выразилась такая боль, что тот понял и замолчал. После, Пушкин, коснувшись этой глупой выходки, говорил, как он дорого бы дал,

чтоб взять назад некоторые стихотворения, написанные им в первой легкомысленной молодости...» Подтверждение этому мы находим у Пушкина: «Начал я писать с 13-летнего возраста и печатать почти с того же времени. Многое желал бы я уничтожить, как недостойное... Иное тяготеет, как упрек, на совести моей». Никитенко в «Моей повести о самом себе» рассказывает, что однажды приятель Пушкина Туманский сказал поэту: «Знаешь ли ты, что Авраам Сергеевич Норов твой противник: он при мне сжег твою рукописную поэму «Гаврилиада». «Нет, — сказал Пушкин, — я этого не знал, но узнав теперь, вижу, что Авраам Сергеевич не противник мне, а друг, а вот ты, восхищавшийся такой гадостью, настоящий враг».

— О существовании «Гаврилиады», распространявшейся в списках, стало известно властям только в 1828 году. Произвести расследование, кто был автор этой поэмы, было поручено петербургскому военному губернатору Голенищеву-Кутузову, который вызвал и допросил Пушкина. Пушкин отрекся от авторства поэмы. Николай I велел передать Пушкину, что зная Пушкина лично, он его слову верит. Тогда Пушкин написал письмо государю, в котором он признавал себя автором поэмы и подвергал себя «милосердию и великодушию царскому». Следствие было прекращено по резолюции Николая I: «Мне это дело подробно известно и совершенно кончено». Поведение в этом деле Пушкина и Николая I еще раз свидетельствует о благородстве поэта и о великодушии царя.

— Что же касается письма Пушкина Кюхельбекеру, написанного в 1824 году и в котором он писал, как бы рисуясь, что в Одессе он познакомился с одним англичанином философом, который отрицает бессмертие души, «система не столь утешительная, как обыкновенно думают», — прибавил Пушкин, — «но к несчастью более всего правдоподобная», в этом надо

видеть скорее свидетельство поиска веры, а не утверждение неверия. Пушкин пишет о « правдоподобности » атеизма, но атеизм англичанина он не принял, как безусловную истину. И все говорит за то, что от этой « правдоподобности » он тотчас же отказался. Так, о мудрости англичанина-атеиста Пушкин сказал следующее: « Мне наскучило, что ко мне в моем отечестве относятся с меньшим уважением, чем к первому попавшемуся дураку, мальчишке-англичанину, который является к нам, чтобы среди нас проявить свою плоскость и свое бормотанье ». В том же 1824 году, упоминая об этом злополучном письме в « Воображаемом разговоре », Пушкин употребил выражения « две пустые фразы » и « школьническая шутка », а в письме Жуковскому — « строчка глупого письма ». По поводу своего общения с иностранным атеистом Пушкин впоследствии писал: « Я очень хорошо сделал, что брал уроки атеизма; я увидел, какие вероятности представляет атеизм, взвесил их, продумал и пришел к результату, что сумма этих вероятностей сводится к нулю, а нуль только тогда имеет реальное значение, когда пред ним стоит цифра. Этой-то цифры и не доставало моему профессору атеизма ».

— Любопытна судьба англичанина Гунчинсона, у которого Пушкин брал уроки « чистого атеизма », — прибавил Михаил Михайлович, — бывшие убеждения не помешали ему стать, лет через пять, когда он вернулся в Лондон, ревностным пастором англиканской церкви.

2. « Я НИКОГДА НЕ ПРОПОВЕДОВАЛ НИ ВОЗМУЩЕНИЙ, НИ РЕВОЛЮЦИИ — НАПРОТИВ »

— Нынче принято писать, что Пушкин был будто бы революционером, — сказал Михаил Михайлович.

— Это совершенно не верно. Пушкин был свобододобивым поэтом, но никогда не был революционером. Правда, в ранней молодости его несомненно волновали вольнолюбивые мечты. Об этом радикализме юного Пушкина очень хорошо сказал Вигель в своих «Записках»: «Спросят был ли он тогда (в 1817 году) либералом? Да как же им не быть восемнадцатилетнему мальчику, который только что вырвался на волю, с пылким поэтическим воображением, с кипучей африканской кровью в жилах, в такую эпоху, когда свободомыслие было с самым разгаре». Тогда то Пушкин и написал стихотворения «Вольность» и «Деревня».

— Весьма ценно также свидетельство князя Вяземского: «На политическом поприще, если оно открылось бы перед ним, он без сомнения был бы либеральным консерватором, а не разрушающим либералом. Так называемая либеральная, молодая пора поэзии его не может служить опровержением слов моих... Многие из тогдашних стихов его были более отголоском того времени, нежели исповедью внутренних чувств и убеждений его. Он часто был Эолова арфа либерализма на пиршествах молодежи и отзывался теми веяниями, теми голосами, которые налетали на него. Не менее того он был искренен; но не был сектатором в убеждениях или предубеждениях своих, а тем более не был сектатором чужих предубеждений. Он любил чистую свободу, как любить ее должно, но из того не следует, чтобы каждый свобододобивый человек был непременно и готовым революционером. Политические секторы двадцатых годов очень это чувствовали. Многие из них были приятелями его, но они не находили в нем готового соумышленника и, к счастью его самого и России, оставили его в покое. Этому соображению и расчету их можно скорее приписать спасение Пушкина от крушений 25 года, нежели желанию, как многие думают, сберечь дарование его и будущую славу России».

— О том, что заговорщики не доверяли Пушкину еще определеннее говорит в своих «Записках» декабрист Горбачевский: «Нам от Верховной Думы было запрещено знакомиться с поэтом А. С. Пушкиным, когда он жил на юге. Прямо было сказано, что он, по своему характеру и малодушию, по своей развратной жизни, сделает донос тотчас правительству о существовании Тайного Общества... Мне рассказывал Муравьев-Апостол и Бестужев-Рюмин про Пушкина такие на юге проделки, что уши и теперь краснеют».

— Биографы Пушкина не обратили достаточного внимания на его не отосланное письмо Александру I, написанное летом 1825 года. Это письмо объясняет многое в поведении неограниченно-самолюбивого Пушкина в годы 1820-1825. В этом письме мы читаем: «Мне было 20 лет в 1820 году. Необдуманнные отзывы, сатирические стихи обратили на меня внимание в обществе... Разнесся слух, будто я был отвезен в тайную канцелярию и высечен... Я увидел себя опозоренным перед светом... Я решил высказывать столько негодования и наглости в своих речах и в своих сочинениях, чтобы наконец власть вынуждена была обращаться со мною, как с преступником. Я жаждал Сибири или крепости, как восстановления чести... Великодушный и мягкий образ действия власти глубоко тронул меня и с корнем вырвал смешную клевету». В эти то годы Пушкин совершил такие безрассудные поступки, как тот, например, когда в театре, ходя по рядам, он показывал знакомым портрет Лувеля, убийцы герцога Беррийского, племянника Людовика XVIII, с надписью, сделанной самим Пушкиным: «Урок царям». Тогда же он написал и распространял в высшей степени оскорбительную эпиграмму на Аракчеева и т. п. Это была бравада раненого самолюбия, а не проявление истинных его убеждений.

— В 1821 году Пушкин написал стихотворение «На смерть Наполеона», кончающееся строфой:

« Хвала ! . . Он русскому народу высокий жребий указал и миру вечную свободу из мрака ссылки завещал ». А два года спустя Пушкин писал А. И. Тургеневу: « Эта строфа ныне не имеет смысла, она написана в начале 1821 года. Впрочем это мой последний либеральный бред ». Действительно, с этого времени во взглядах Пушкина наступает перелом: так, в 1823 году он пишет стихотворение « Свободы сеятель пустынный . . . », в котором он больше не порицает « носителей неволи », но упрекает тех, кто не заслуживает свободы — народные массы.

— А затем, после 1826 года, после приема Пушкина Николаем I, взгляды Пушкина меняются коренным образом. Вот что пишет о происшедшей в нем перемене Юзефович в своих « Воспоминаниях о Пушкине »: « Он стал одумавшимся гражданином, понявшим требования русской жизни и отрепившимся от утопических иллюзий. Он привязался душой к государю, и когда при нем либеральничали, он резко останавливал ».

— Но обратимся к высказываниям самого Пушкина по этому поводу. « Я никогда не проповедовал ни возмущений, ни революции — напротив », — писал Пушкин Дельвигу в начале 1826 года, — « как бы то ни было, я желал бы вполне и искренно помириться с правительством ». А в письме Вяземскому он писал в том же году: « Бунт и революция мне никогда не нравились ». В разговоре с Киселевым о декабристах Пушкин назвал их сумасшедшими: « Сумасшедшие, разве такая махина, как Россия, может жить без самодержавия ? Тогда же он сказал Киселеву, что стихи: « Россия вспрянет ото сна, и на обломках самовластья напишут наши имена », вовсе не его. Действительно, это стихи Рыльева, а не Пушкина. В этом не может быть сомнения. Только те, кому медведь на ухо наступил, могут приписывать их Пушкину. Пушкинисты горюют, что не найден пушкинский автограф этого

стихотворения: и не удивительно — его никогда не было.

— О том, что Пушкин был убежденным сторонником абсолютной монархии свидетельствует Гоголь в своем письме Жуковскому: «Как умно определил Пушкин значение полномочного монарха и как он вообще был умен во всем, что ни говорил в последнее время своей жизни! Зачем нужно, — говорил он, — чтобы один из нас стал выше всех и даже выше самого закона? Затем, что в законе слышит человек что-то жестокое и небратское. С одним буквальным исполнением закона не далеко уйдешь; для этого-то и нужна высшая милость, умягчающая закон, которая может явиться людям только в одной полномочной власти. Государство без полномочного монарха то же, что оркестр без капельмейстера: как ни хороши будь все музыканты, но, если нет среди них такого, который бы движеньем палочки всему подавал знак, никуда не пойдет концерт... блюдет он общий строй, всего оживитель, верховодец верховного согласия!»

— «Лучшие и простейшие изменения суть те, которые происходят от одного улучшения нравов, без насильственных потрясений политических, страшных для человечества», писал Пушкин в 1833 году в «Заметках о Радищеве». Ту же мысль он повторил в «Капитанской дочке»: «Молодой человек! если записки мои попадутся в твои руки, вспомни, что лучшие и простейшие изменения суть те, которые происходят от улучшения нравов, без всяких насильственных потрясений... Те, которые замышляют у нас невозможные перевороты, или молоды и не знают нашего народа, или уж люди жестокосердые, коим чужая головушка полушка, да и своя шейка копейка». Пушкин видел путь к прогрессу не в революционных потрясениях, а в успехе просвещения, в постепенном улучшении нравов, в торжестве разума; это движение должно было возглавить дворянство при содействии мудрого само-

держца, который возьмет на себя инициативу в проведении реформ. Любопытна его положительная оценка деятельности царей из дома Романовых: « Не могу не заметить, что со времени восшествия на престол дома Романовых у нас правительство всегда впереди на поприще образованности и просвещения. Народ следует за ним всегда лениво, а иногда и неохотно ».

— Интересно отметить, что когда в 1834 году был запрещен « Московский Телеграф », журнал издаваемый Полевым, Пушкин записал в своем дневнике: « Телеграф запрещен. Уваров представил государю выписки, веденные несколько месяцев и обнаруживающие неблагонамеренное направление данное Полевым его журналу. Телеграф достоин был участи своей; мудрено с большей наглостью проповедовать якобинизм перед носом правительства, но Полевой был ба-ловень полиции ».

— А когда в 1831 году Пушкин задумал издавать политический и литературный журнал, он написал Бенкендорфу следующее: « Заботливость истинно отеческая Государя Императора глубоко меня трогает... Если Государю Императору угодно будет употребить мое перо, то буду стараться с точностью и усердием исполнять волю Его Величества и готов служить ему по мере моих способностей ». Пушкин согласился при этом заранее, что в России « общее мнение имеет нужду быть управляемо ». « С радостью взялся бы я за редакцию политического и литературного журнала », — пишет он. — « Около него соединил бы я писателей с дарованиями и таким образом приблизил бы к правительству людей полезных ».

— Во второй записке Пушкин еще определеннее говорит: « Направление политических статей зависит и должно зависеть от правительства, и в сем случае я полагаю священной обязанностью ему повиноваться и не только соображаться с решением цензора, но и сам

обязуюсь строго смотреть за каждой строкою моего журнала ».

— Разрешение на издание газеты Пушкин получил в 1832 году, но он охладел к задуманной газете и отказался от нее. А в конце 1835 года Пушкин обратился к Бенкендорфу с просьбой разрешить издание журнала. Разрешение ему было дано, и с 1836 года Пушкин начал издавать « Современник ».

3. « БОЯР СТАРИННЫХ Я ПОТОМОК »

— Итак, не может быть сомнения в том, что Пушкин никогда не был революционером, не был « потрясателем основ »; во второй половине жизни он сделался даже убежденнейшим консерватором, охранителем существующего порядка, — сказал Михаил Михайлович. — Что же касается демократизма, то он всегда был чужд Пушкину. Ему была присуща довольно странная для такого великого человека слабость. Она сыграла роковую роль в его жизни. Пушкин мнил себя аристократом и желал быть принятым в петербургской аристократической среде как равный, как законный сочлен. Но ни по социальному своему положению, ни по достатку Пушкин не мог равняться с теми, кто составлял тогда высший слой петербургского общества. Пушкины принадлежали к обедневшему мелкопоместному дворянству. Именье семьи пришло в полнейший упадок, и, как писал Пушкин, родители его находились близко к полному разорению. Сосед по дому Пушкиных так описывает быт родителей поэта: « Вечный недостаток во всем, начиная с денег и до последнего стакана ». Материальное положение самого Пушкина было также незавидно, несмотря на то, что его литературная деятельность приносила ему за последние десять лет жизни в среднем 22.000 - 25.000

рублей в год. «Светская жизнь требовала значительных издержек, на которые у Пушкина часто не доставало средств. Эти средства он хотел пополнить игрою, но постоянно проигрывал, как все люди, нуждающиеся в выигрыше», пишет Соллогуб в своих «Воспоминаниях». «В картах ему не везло, и играл он дурно, отчего почти всегда был в проигрыше», свидетельствует Нащокин. Так, в 1830 году он проиграл одному помещику 25.000 рублей, сумму огромную по тому времени. Денежные затруднения Пушкина были настолько велики, что пришлось тотчас после женитьбы заложить женины брильянты (он не смог их выкупить до конца своей жизни). Пушкин постоянно прибегал к займам, векселям, закладным, входил в долги, и долги эти увеличивались с каждым годом. После смерти поэта за ним числилось долгов около 140.000 рублей.

— Свою мнимую принадлежность к аристократии Пушкин ставил выше, чем своей талант. Он прежде всего хотел быть аристократом, звание же поэта в какой-то мере его стесняло, он как-то стыдился его. Эта слабость зародилась у него уже в ранней молодости и не оставляла его всю жизнь. Я прочту вам, что писали об этом люди хорошо знавшие его. Начну с Бартенева: «Пушкин уже в то время (т.е. в 1817 году) тщательно скрывал в большом обществе свою литературную известность и не хотел ничем отличаться от обыкновенных светских людей». У Пушкина мы находим следующий рассказ о Пушкине, относящийся к тому же времени: «Пушкин любил вертеться у оркестра около Орлова, Чернышева, Киселева и других: они с покровительственной улыбкой выслушивали его шутки, остроты. Случалось из кресел сделать ему знак, он тотчас прибежит. Говоришь, бывало: «Что тебе за охота, любезный друг, возиться с этим народом; ни в одном из них ты не найдешь сочувствия и пр.». Он терпеливо выслушивал... Потом, смотришь, — Пушкин опять с тогдашними львами!» «Никто так не боялся,

особенно в обществе, звания поэта, как Пушкин. Он искал в нем успехов совсем другого рода», пишет Анненков; эта запись относится к времени пребывания Пушкина в Одессе. Полевой, в своих «Записках», относящихся к годам 1826-1828, пишет по этому поводу следующее: «Пушкин соображал свое обхождение не с личностью человека, а с положением его в свете, и потому-то признавал своим собратом самого ничтожного барича и оскорблялся, когда в обществе встречали его, как писателя, а не как аристократа... Увлечшись в вихрь светской жизни, которую всегда любил он, Пушкин почти стыдился звания писателя... Он хотел быть прежде всего светским человеком, принадлежащим к аристократическому кругу... Он ошибался, полагая, будто в светском обществе принимали его, как законного сочлена; напротив, там глядели на него, как на приятного гостя из другой сферы жизни, как на артиста, своего рода Листа или Серве... Пушкин сердился на Свинына за то, что тот вздумал где-то на бале рекомендовать его. Нельзя было оскорбить Пушкина более, как рекомендуя его знаменитым писателем; а Свинын сделал эту глупость. За то поэт и отплатил ему, как я был свидетелем, очень зло». Об этой слабости великого человека пишет также Соллогуб в своих «Воспоминаниях», относящихся к 1836 году: «Пушкин находился в среде, над которой не мог не чувствовать своего превосходства, а между тем, в то же время чувствовал себя почти всегда униженным и по достатку, и по значению в этой аристократической сфере, к которой он имел какое-то непостижимое пристрастие. Когда при разъездах кричали: — Карету Пушкина! — Какого Пушкина? — Сочинителя! — Пушкин обижался... В свете его не любили, потому что боялись его эпиграмм, на которые он не скупился, и за них он нажил себе в целых семействах, в целых партиях врагов непримиримых». А 21 января 1837 года Никитенко записал в своем «Дневнике»: «Вечер

провел у Плетнева. Там был Пушкин. Он сделался большим аристократом. Как обидно, что он так мало ценит себя как человека и поэта, и стучится в один замкнутый кружок общества. Он хочет прежде всего быть баринoм. К нему так не идет этот жеманный тон, эта утонченная спесь в обращении ».

4. « ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ УНИЧТОЖИТЬ РАБСТВО »

— Известные мне биографии Пушкина не дают ясного ответа на вопрос о том, как относился Пушкин к крепостному праву, — сказал я. — Пушкин был помещиком и владел крепостными крестьянами...

— Как относился Пушкин к крепостному праву? — сказал Михаил Михайлович. — Взгляды его на крепостное право менялись во времени. В стихотворении « Деревня », написанном в 1819 году, он описывает тягости крепостного права; основная идея стихотворения — необходимость отмены его. В этом стихотворении имеется знаменитая строфа: « Увижу ль, о друзья! народ неугнетенный и рабство, падшее по манию царя ». Стихотворение это Пушкин послал через Чаадаева императору Александру I. Последний велел благодарить Пушкина за добрые чувства, которые внушает его произведение. Но вскоре во взглядах Пушкина на крепостное право произошла коренная перемена, и в 1826 году он пишет в защиту крепостных отношений следующее: « Я допускаю в условиях деспотического государства существование рабов и людей свободных, т.е. таких, коих собственность и воля зависят от законов монарха, и таких, которые являются собственностью каких-нибудь лиц. Этот порядок приближается к патриархальному строю, избавляет правительство от бесконечного количества затруднений, потрясений,

упрощает управление и придает ему большую мощь. Итак, остерегайтесь уничтожить рабство » . . .

— Сергей Львович Пушкин, получил в наследство после смерти отца своего село Кистенево и половину соседнего села Болдина, в Нижегородской губернии. Сергей Львович был помещиком нераспорядительным и беспечным; он никогда не хотел заниматься делами, и управление имением он передал одному из своих крепостных, «мошеннику первостатейному», который грабил крестьян. Дурное управление делами привело к тому, что крестьяне Кистенева и Болдина были совершенно разорены. В Псковской губернии Сергею Львовичу принадлежало село Михайловское, принесенное в приданое матерью поэта. Положение в Михайловском было не лучше, чем в Кистенева и в Болдине: приказчики обкрадывали барина, притесняли крестьян и совершенно их разорили. А когда однажды михайловские крестьяне приехали в Петербург к Сергею Львовичу с жалобой на управителя, Сергей Львович пришел в негодование за причиненное беспокойство, раскричался на мужиков и, не выслушав их, прогнал прочь. На Михайловском, заложенном в Опекунском совете, был большой долг. В марте 1834 года Пушкин писал Нащокину: «На днях отец мой посылает за мною. Прихожу — нахожу его в слезах, мать в постеле — весь дом в ужасном беспокойстве. Что такое? — Имение описывают. — Надо скорее заплатить долг. — Уж долг заплачен. Вот и письмо управителя. — В чем же горе? — Жить нечем до октября. — Поезжайте в деревню. — Не с чем». «Вообрази», — писала сестра Пушкина своему мужу, «что в прошлом году имение Болдино описывали пять раз».

— В 1830 году накануне женитьбы Александра Сергеевича, отец выделил ему часть села Кистенева с 200 незаложенных душ, но без права продавать ее при жизни Сергея Львовича. Александр Сергеевич тотчас же заложил свою часть Кистенева в Опекун-

ском совете за 40.000 рублей. В 1833 году Пушкин взял на себя также управление Болдиным, оставшимся во владении Сергея Львовича. Он послал для спасения имения дельного управляющего немца Рейхмана, но тот бежал из имения, при виде страшного разорения крестьян. По этому поводу Пушкин писал Осиповой: « Не имея намерения поселиться в Болдине, я не могу и помышлять о том, чтобы восстановить имение, которое, между нами говоря, близко к полному разорению; я хочу лишь одного — не быть обворованным и платить проценты в ломбард. Улучшения придут впоследствии. Рейхман только что написал мне, что крестьяне так обнищали и дела идут так худо, что он не мог взять на себя управление Болдиным . . . Вы не можете себе представить, до чего управление этим имением мне в тягость ».

— Любопытен текст доверенности, выданной Пушкиным управителю Болдина. В ней мы читаем: « По доверенности отца моего имею я в своем ведении в селе Болдине 563 души, а в сельце Кистеневе 274 души, да сверх того в том же сельце Кистеневе 220 душ собственно мне принадлежащих . . . Имеете Вы наблюдать, чтобы казенные повинности и подати были в свое время сполна уплочены; положенный же с оброчных крестьян оброк получать без недоимок и ко мне высылать; буде окажутся дурного поведения и вредные вотчине крестьяне и дворовые люди, таковых отдавать во всякое время в зачет будущего рекрутства; если окажутся неспособными, то отдавать без зачету, предвительно меня о том уведолив ».

— При управлении Пушкина, положение крестьян не только не улучшилось, но еще более пришло в упадок. Крестьяне неоднократно жаловались Пушкину, но их жалобы оставались без последствия (крестьяне Болдина писали Пушкину: « Присланный от вашего

родителя человек в его имении управляющим Михайла Иванов, от которого мы, батюшка Александр Сергеевич, в великое разорение пришли », крестьяне Кистенева писали: « Мы все пришли в упадок . . . Многие пошли по миру »).

— Характерно, что когда одна крепостная девушка из села Михайловского забеременела от Пушкина, он поступил, как настоящий крепостник: отослал ее с глаз долой, в дальнюю деревню, в Болдино (подробности об этом мы находим в переписке Пушкина с Вяземским).

— « Остерегайтесь уничтожить рабство » писал « революционер » Пушкин. А вот « реакционеры » Воронцов и Бенкендорф были убежденными противниками крепостного права. Воронцов отпустил своих крестьян на волю, а Бенкендорф в одном из первых своих докладов царю назвал крепостное право величайшим злом. Решительным противником крепостного права был также Николай I. В одной из речей, произнесенных царем на заседании Государственного совета, он сказал: « Не может быть сомнения в том, что крепостное право есть зло, для всех ощутительное и очевидное ». Но из страха перед опасностью внезапного освобождения миллионов крепостных, из страха общественных потрясений и взрыва страстей освобожденных масс, Николай I стоял на мысли, что освобождение крестьян должно произойти постепенно. Им был осуществлен ряд весьма удачных мер, коренным образом улучшивших быт государственных крестьян; затем был выработан план постепенного уничтожения крепостного права, но встретившиеся препятствия позволили осуществить лишь некоторые из проектированных мер.

5. « СУМАСШЕДШИЕ, РАЗВЕ ТАКАЯ МАШИНА,
КАК РОССИЯ,
МОЖЕТ ЖИТЬ БЕЗ САМОДЕРЖАВИЯ »

— Если верить биографам Пушкина, лишь случайно он не принял участия в беспорядках на Сенатской площади, — сказал я. — На вопрос, заданный Николаем I во время аудиенции данной Пушкину в Чудовом дворце: « Принял ли бы ты участие в восстании 14 декабря, если бы ты был в то время в Петербурге », Пушкин будто бы ответил: « Друзья мои были в заговоре, и я не смог бы от них отстать. Только мое отсутствие спасло меня, и я благодарю за это Бога ».

— Весьма возможно, что так и случилось бы, — ответил Михаил Михайлович. — Чувство товарищества, порыв мимолетного увлечения могли привести Пушкина на Сенатскую площадь. Но это вовсе не значит, что Пушкин разделял убеждения заговорщиков. Я цитировал уже слова Пушкина: « Я никогда не проповедовал ни возмущений, ни революции — напротив. Бунт и революция мне никогда не нравились ». Я приводил также свидетельство Вяземского о том, что многие из декабристов были его приятелями, но не находили в нем соумышленника, а потому не вовлекли в заговор. Заговорщики высоко ценили Пушкина как поэта, но они отдавали себе отчет в том, что Пушкину с ними не по дороге, а потому не доверяли ему. Вам известен, наконец, рассказ декабриста Горбачевского о том, что Верховная Дума запретила заговорщикам знакомиться с Пушкиным, т. к. опасались, что он может донести правительству о существовании заговора. В этом же духе писал также Пущин, который хотел было предложить Пушкину войти в Тайное Общество, но, пораздумав, отказался от этого намерения. В десятой главе « Евгения Онегина », набросанной в 1830 году, Пушкин сказал о возникновении заговора следующее:

« Все это было только скука, безделье молодых умов, забавы взрослых шалунов » . . .

*
**

— Заговорщики решили воспользоваться замешательством, возникшим после смерти Александра I. Николай Павлович распорядился, чтобы войска, правительственные учреждения и население столицы принесли присягу старшему его брату Константину, который жил тогда в Варшаве, где он был главнокомандующим польских войск. Константин категорически отказался взойти на трон. Тогда был заготовлен манифест о вступлении на престол Николая Павловича, и на 14 декабря была назначена новая присяга, — на этот раз императору Николаю I. Заговорщикам удалось обмануть часть войск петербургского гарнизона, убедив их в том, что великий князь Константин, которому они присягали три недели тому назад, вовсе не отрекался, а был насильственно отстранен от престола.

— После подавления восстания было арестовано 570 человек. Это были главным образом офицеры; значительная часть из них принадлежала к аристократии. В результате шестимесячной работы Следственной комиссии было освобождено более 400 человек: комиссия привлекла к суду лишь 121 члена Тайного общества. В своих воспоминаниях декабристы в один голос говорят о полной беспристрастности Николая I и Следственной комиссии в ведении дела. Даже Рылеев и Пестель сочли милостивым допрос их Николаем I.

— Когда следствие над декабристами было закончено, их дело было передано Верховному суду, в состав которого вошли все члены Государственного Совета, Сената и Синода и все министры. Суд вынес очень суровый приговор. Так, он приговорил к смертной казни 36 человек. Николай I значительно смягчил назначенные судом наказания. Казнены были лишь пять

заговорщиков, замышлявших убийство всей царской семьи (это были полковник Пестель, отставной поручик Кажовский, Рылеев, подполковник Муравьев-Апостол и подпоручик Бестужев-Рюмин), 88 человек были присуждены к каторге (от двухлетней до бессрочной), 14 человек — к ссылке в Сибирь на поселение и 13 человек — к отдаче в солдаты. Через месяц после вынесения приговора, Николай I, во время коронации, еще раз смягчил положение осужденных: так, он велел снять цепи с приговоренных к каторге и заменить бессрочную каторгу двадцатилетней. Было облегчено также положение других сосланных.

— Осужденных на каторгу и на поселение отправляли в Сибирь небольшими партиями. Только первой партии декабристов, сосланных в Нерчинские рудники, пришлось по началу худо. Но затем все декабристы были собраны в Читинском остроге, находившемся под управлением весьма гуманного коменданта генерала Лепарского, где положение декабристов значительно улучшилось. К одиннадцати декабристам приехали жены. Декабристы поддерживали сношения с Россией, получали оттуда деньги, письма, книги, русские и иностранные газеты и даже рояли. У них образовалась большая библиотека, в которой, между прочим, находились почти все запрещенные в России книги. Они занимались чтением, науками, взаимным образованием, ремеслами. Работы, которые должны были выполнять декабристы, делались вместо них рабочими по найму. Трубецкой и Волконский содержали даже двадцать пять человек прислуги. В 1830 году декабристы были переведены из Читы в Петровский завод. К этому времени многие из приговоренных к каторге вышли на поселение за истечением срока каторги. А т. к. сроки каторжных работ неоднократно сокращались Николаем I, то уже к 1839 году последние каторжане перешли на поселение. Многим декабристам царь разрешил вернуться в Россию. К концу царствования

Николая I в Сибири оставались лишь 32 участника событий 14 декабря.

— В кабинете Николая I находились всегда две тетради: в одной были изложены реформы, которые хотели осуществить декабристы, в другой были записаны имена 570 человек, в той или иной степени замешанных в заговоре. Это однако не помешало некоторым из замешанных в заговоре сделать в царствование Николая I блестящую карьеру. Так, А. Н. Муравьев уже в 1828 году занимал крупный административный пост, а в 1837 году был назначен губернатором в Архангельск; не менее успешную чиновную карьеру сделал его брат М. Н. Муравьев; Перовский с 1841 года занимал пост министра внутренних дел; Граббе получил титул графа и чин генерал-адъютанта; Суворов был назначен генерал-губернатором прибалтийских провинций и т. д.

— Я рассказал вам все это потому, что вокруг декабристов создавалась легенда весьма далекая от исторической правды. Над созданием этой легенды потрудились многие, благодаря ей декабристы выросли в «рыцарей без страха и упрека», каковыми они решительно не были. К слову, к созданию этой легенды руку приложил Некрасов. В своей поэме «Русские женщины» он воспел жен декабристов, последовавших за ними в Сибирь. В поэме Некрасов настолько вольно обошелся с исторической правдой, что вызвал протесты самих декабристов. Героиня поэмы М. Н. Волконская, например, изображена Некрасовым как подвижница долга, как любящая жена, героически делившая с мужем его страдания. Этот поэтический образ очень далек от истины. Мария Николаевна, когда ей было 19 лет, была выдана насильно замуж за богатого и знатного генерала Волконского, старше ее на 17 лет. Мужа она не любила и признавалась братьям и сестрам, что он ей несносен. Поехала она в Сибирь из юношеской экзальтации, начитавшись трагедий Корнеля и Расина.

В Сибири Мария Николаевна доставила много горя мужу своим тяжелым характером и супружескими изменами (сын ее был рожден от декабриста Поджио, а дочь — от Пушкина). Кстати, среди одиннадцати некрасовских « русских женщин », последовавших в Сибирь, были четыре иностранки.

*
**

— По началу несчастная судьба казненных и сосланных декабристов вызвала у Пушкина чувство преклонения перед ними и жалость к ним. Тогда-то он и написал известное стихотворение: « Во глубине сибирских руд храните гордое терпение... » Но впоследствии Пушкин стал смотреть трезво на происшедшие события, и заговорщики потеряли в его глазах значительную часть их ореола. Так, в разговоре с Киселевым, как я уже говорил, Пушкин назвал декабристов сумасшедшими. Записи в дневнике Пушкина свидетельствуют, что ему стали известны многие подробности о деле декабристов, выяснившиеся в результате следствия. Обстоятельства эти не делали чести заговорщикам. О деле декабристов Пушкину рассказывал великий князь Михаил Павлович, бывший председателем Следственной комиссии (см. примечание 2).

— Так, Пушкин узнал, что Пестель решил истребить всю царскую семью, 13 человек, в том числе малолетних детей Николая Павловича, семи, шести и трех лет. Но опасаясь, что люди, совершившие это ужасное преступление, будут посрамлены в общественном мнении, которое не даст им стать у власти после переворота, Пестель решил поручить исполнение преступления двенадцати заговорщикам, после чего Пестель предполагал убить также и этих двенадцать сообщников, и объявить затем народу, что он, Пестель, мстит-де за убийство царя и его семьи. Достоверность рассказа об этом дьявольском плане Пестеля подтверждается многими

историческими свидетельствами, в том числе « Воспоминаниями » декабриста Гангеблова. Гангеблов встретил в Петропавловской крепости своего товарища Аврамова, который сказал ему: « Каков Пестель ! Он имел меня в виду как очистительную жертву для своей безопасности. Ежели бы покушение на жизнь царской фамилии удалось, и ежели бы народ, как следовало бы ожидать, пришел бы от того в крайнее раздражение, то Пестель думал меня выдать на растерзание народу, как виновника этой меры, и тем рассчитывал успокоить народ и расположить его в свою пользу ». На убийстве всей царской семьи настаивали также Муравьев-Апостол, Бестужев-Рюмин, Каховский и Рылеев.

— На Пушкина произвел также удручающее впечатление рассказ Михаила Павловича о той сцене, свидетелем которой он был в ночь с 14 на 15 декабря: арестованный и приведенный в Зимний дворец князь Трубецкой, которого заговорщики выбрали на пост диктатора, ползал на коленях перед царем, хватал его за руки и в исступлении молил о пощаде: « Только жизнь, Ваше Величество, даруйте мне только жизнь ». Что греха таить: большинство арестованных декабристов вело себя далеко не как « сказочные богатыри », как назвал их Герцен. Следственное дело о декабристах раскрывает прямо потрясающие картины трусости, предательства, покаяния и униженных молений о пощаде. С рабской угодливостью они писали царю униженные письма, спешили откровенно и подробно рассказать на допросах решительно все, что знали о заговоре, ни в чем не запырались, с готовностью выдавали сообщников, зная, что каждый их донос вызовет аресты их друзей.

— Так, Рылеев на первом же допросе, происшедшем в ночь с 14 на 15 декабря, назвал имена всех заговорщиков и сообщил о готовящемся возмущении в войсках, расположенных на Украине. И на даль-

нейших допросах он с готовностью сообщал решительно все, что знал; он вполне заслужил убийственную похвалу Следственной комиссии: «Объясните, со свойственной вам откровенностью...» Рылеев писал с раболепием царю: «Я благословляю десницу, меня карающую, благословляю Твое милосердие, и перед самой казнью не перестану молить Всевышнего, да отречение мое и казнь навсегда отвратят юных сограждан моих от преступных предприятий против власти верховной». Жене своей он писал: «Если кто заслужил казнь, вероятно нужную для блага России, то, конечно, я, несмотря на мое раскаяние и совершенную перемену мыслей.

— Даже Пестель, «великий Пестель», поспешил отказаться от всего своего прошлого. Он писал: «Все узы, соединявшие меня с Тайным Обществом, порваны навсегда. Я не могу, конечно, оправдываться перед Его Величеством. Я прошу только помиловать меня. И если Он соизволит воспользоваться правом помилования, да будет Бог мне свидетелем, что вся моя дальнейшая жизнь будет проникнута чувством благодарности и безграничной преданности Его Священной Особе и Его Августейшей Фамилии».

— Лишь немногие из декабристов держались на допросах с достоинством и сдержанностью; к ним следует причислить Якушкина, Пущина и Лунина.

— Пушкин записал в дневнике, что осуществление декабристами их планов привело бы неизбежно к полной анархии, к гражданской войне, к новой пугачевщине, к распаду России, к отделению от нее Польши, Литвы, Балтийских провинций, Грузии, Бессарабии, к вражескому нашествию. «Можно себе представить, что совершил бы миллион вооруженных солдат, освободившихся внезапно от жестокой дисциплины и предоставленных самим себе».

— В дневнике имеется также саркастическая запись о «подвигах» Трубецкого и Якубовича, выбран-

ных заговорщиками диктатором и помощником диктатора: Трубецкой не явился на Сенатскую площадь, присягнул Николаю I и прятался весь день в безопасных местах « в унынии и страхе », как он сам выразился, Якубович же, обещавший привести на Сенатскую площадь Измайловский полк и артиллерию, ничего этого не сделал, и 14 декабря очутился в свите Николая I.

*
**

— Очень большое впечатление на Пушкина произвел также рассказ о том, как повел себя Николай Павлович в трагический день 14 декабря. Николай не искал короны. Александра Федоровна поддерживала его в нежелании царствовать. Оба они были людьми лишенными честолюбия, царский венец страшил их, обоих вполне удовлетворяла та спокойная и счастливая семейная жизнь, которую они вели до сих пор... Лишь чувство долга перед Россией заставило Николая Павловича взойти на престол.

— Николай Павлович знал о существовании заговора и о том, что мятеж готов вспыхнуть 14 декабря при приведении войск ко второй присяге. В ночь с 13 на 14 декабря Николай Павлович и Александра Федоровна долго молились. Закончив молитву, царь сказал жене: « Мы не знаем, что нас ожидает. Если нам суждено умереть, обещай мне быть храброй и умереть с честью ». Под утро Николай Павлович обратился с речью к собравшимся в Зимнем дворце: « Вы все знаете, господа, что я не искал короны... Но т. к. воля Всевышнего, воля братьев моих и законы империи вручили мне венец, я сумею защитить его... В случае надобности российский император должен быть готов умереть со шпагою в руке... И если мне суждено царствовать один лишь час, я сумею доказать, что я был достоин императорского престола ». В то же утро Николай Павлович написал письмо своей сестре, гер-

цогине Веймарской: «Молитесь за меня, дорогая Мария, пожалейте вашего несчастного брата, жертву воли Божьей и воли своих братьев».

— В полдень Николай I вышел без всякой охраны на Дворцовую площадь к собравшемуся там народу. Он прочел манифест о своем восшествии на престол и произнес речь (к слову, он был прекрасным оратором). Затем Николай I двинулся во главе первого батальона Преображенского полка к Сенатской площади. «В эти зловещие часы император проявил невозмутимое спокойствие, необыкновенное хладнокровие, замечательное присутствие духа и исключительную храбрость, поразившие всех и вызвавшие всеобщее восхищение и преклонение перед ним», писал Меттерниху австрийский посланник Лебцельтерн.

— Николай I послал к мятежникам с увещеваниями генерала Милорадовича, митрополита Серафима с духовенством и великого князя Михаила Павловича. Но старания Николая I убедить мятежников вернуться в казармы и присягнуть ему ни к чему не привели. «Можно ли быть человеком несчастнее меня! Я сделал все, что было в моих силах, чтобы убедить их отказаться от безумной затеи, но они ничего не хотят слушать», сказал Николай I дипломату Дернбергу.

— Нужно отдать справедливость Николаю I: он сделал все, чтобы избежать кровопролития. Он никак не мог решиться прибегнуть к силе оружия. Так продолжалось до сумерек. Наконец генерал Толль, отдавая себе отчет об опасности создавшегося положения (под покровом ночи мятеж мог распространиться по всему городу), сказал Николаю Павловичу: «Ваше Величество, дайте приказ открыть огонь по бунтовщикам, или отрекитесь от престола». Генерала Толля поддержал генерал Васильчиков: «Нельзя больше терять ни минуты, нам ничего другого не остается, как открыть огонь картечью по мятежникам». «Вы хотите, чтобы в первый же день царствования я пролил

кровь моих подданных ! » воскликнул Николай Павлович. « Так точно, Ваше Величество, это необходимо, чтобы спасти империю », ответил Васильчиков.

— Николай I продолжал медлить. Наконец он отдал приказ открыть огонь из орудий, но тотчас же отменил его: « Нет, подождите еще ». Через некоторое время он еще раз дал тот же приказ, и снова отменил его. Только после третьего приказа четыре орудия открыли огонь поверх толпы. После чего орудия открыли огонь по мятежникам . . .

— « Воля Ваша свершилась, я — император, но какой ценой ! Великий Боже, ценою крови моих подданных ! », писал Николай I Константину Павловичу.

— Для Николая I мятеж 14 декабря, процесс и осуждение декабристов были мучительной трагедией. В нем происходила жестокая борьба между свойственным ему великодушием и чувством долга по отношению к России. Во время следствия над декабристами Николай I сказал французскому посланнику де ля Ферронэ: « Я буду очень снисходителен, но по отношению к главарям заговора я должен быть неумолим: это мой долг перед Россией, хотя сердце мое разрывается . . . » Матери своей, императрице Марии Федоровне, он писал; « Я получил сегодня утром рапорт Верховного суда. Это — ужасный для меня день. Проходя через комнаты Александра, я говорил себе, что мне предназначено выполнить вместо него эту страшную миссию, и что Всевышний, по великой милости своей, избавил его от этой жестокой пытки ».

— Необходимость принять в интересах государства крутые меры по отношению к декабристам вызывала в Николае I чувство ужаса. Он писал матери: « Только сознание, что я исполнил свой долг перед Россией, позволяет мне перенести эту страшную муку ». Для Николая I и членов царской семьи 13 июля, день казни декабристов, был днем скорби и молитвы . . .

— А когда дело декабристов было закончено, Ни-

колай I дал волю своему великодушию, которое подсказало ему прийти на помощь семьям осужденных декабристов. Так, он предложил свою помощь Рылеевой, Муравьевой, Трубецкой, назначил старшего брата Пестеля флигель-адъютантом, младшего его брата приказал перевести в Кавалергарды и назначил ему пенсию в 3.000 рублей, велел воспитать на казенный счет сына Рылеева и т. д.

6. « ПОЛЯКОВ НАДОБНО ЗАДУШИТЬ »

— Говоря об отношении Пушкина к декабрьскому восстанию, как не упомянуть об отношении Пушкина к польскому мятежу 1830 года, — сказал Михаил Михайлович. — Нынче часто пишут, что Пушкин будто бы сочувствовал восставшим полякам, что патристические стихотворения, написанные им по поводу возмущения, направлены не против поляков, а лишь против иностранных государств, грозивших прийти им на помощь. Это утверждение совершенно ошибочно. Пушкин не только не сочувствовал восставшим полякам, но питал к ним крайнюю неприязнь. Так, он писал Вяземскому: « Поляков надобно задушить . . . Для нас мятеж Польши есть дело семейственное, старинная, наследственная распря ».

— Я вам прочту выдержки из писем Пушкина к Хитрово, дочери Кутузова: « Известие о польском восстании меня совершенно потрясло. Итак, наши исконные враги будут окончательно истреблены, и таким образом ничего из того, что сделал Александр, не останется, так как ничто не основано на действительных интересах России . . . »

— Под словами « ничего из того, что сделал Александр » Пушкин разумел устройство, которое Алек-

сандр I дал Польше в 1814 году при присоединении ее к России по решению Венского конгресса. Александр образовал из польских земель Царство Польское, которому он даровал самую либеральную в Европе конституцию, парламент, собственную армию, собственное финансовое и административное устройство.

— В том же письме Пушкин пишет: « Известны ли вам бичующие слова фельдмаршала, вашего батюшки? При его вступлении в Вильну поляки бросились к его ногам. „Встаньте“, — сказал он им, — „помните, что вы русские“... Мы можем только жалеть поляков. Мы слишком сильны для того, чтобы ненавидеть их, начинающаяся война будет войной до истребления — или по крайней мере должна быть таковой ». В другом письме Хитрово Пушкин пишет: « Вопрос о Польше решается легко. Ее может спасти лишь чудо, а чудес не бывает... и мы присоединим Варшаву, что следовало осуществить уже 33 года тому назад. Из всех поляков меня интересует один Мицкевич ».

— А в письме Пушкина к Осиповой мы читаем: « Не буду говорить вам о взятии Варшавы. Вы представляете себе, с каким восторгом мы приняли это известие ».

— По поводу польского восстания и угрозы вмешательства иностранных держав, Пушкин написал три патриотических стихотворения: «Клеветникам России», «Бородинская годовщина» и «К тени полководца». Первые два стихотворения, совместно с патриотическим стихотворением Жуковского: «Старые песни на новый лад», были выпущены отдельной брошюрой, отпечатанной в Военной Типографии по личному распоряжению Николая I. Чаадаев восторженно приветствовал Пушкина за его стихи на усмирение Польши: « Вот, наконец, — ты национальный поэт; ты угадал, наконец, свое призвание ».

— Пушкин писал Хитрово, что мы не должны

ненавидеть поляков. Он повторил слова, сказанные Николаем I; сообщая собравшимся для парада офицерам, что им получены сведения о происшедших в Варшаве беспорядках, царь сказал: «Вы не должны чувствовать ненависти к полякам; помните, что они наши кровные братья. В мятеже виновны немногие злонамеренные люди».

— Отношения Пушкина и Николая I к польскому вопросу оказались во многом сходными. Оба они разделяли взгляд Карамзина, высказанный им в известной записке Александру I: «Польша есть законное владение российское, русский царь есть законный ее государь». Еще в 1822 году Пушкин писал в «Заметках по русской истории 18-ого века»: «Униженная Швеция и уничтоженная Польша, вот великие права Екатерины на благодарность русского народа».

— В манифесте Николая I по поводу польских дел говорилось, что русские должны проявлять по отношению к полякам «правосудие без мщения, непоколебимость в борьбе за честь и пользу государства без ненависти к ослепленным противникам... С прискорбием отца, но со спокойной твердостью царя, исполняющего долг свой, мы извлекаем меч за честь и целостность державы нашей». В письме к Хитрово Пушкин назвал манифест «прекрасным».

— Николай I долго колебался прибегнуть к силе оружия: он все надеялся, что порядок в Варшаве удастся восстановить путем переговоров. Это неопределенное положение продолжалось пять месяцев. Лишь когда стало ясно, что переговоры не могут привести к чему-либо путному, русские войска вошли в Польшу.

— В 1832 году за границей было напечатано стихотворение Мицкевича «К друзьям-москалям», в котором Мицкевич писал о Пушкине: «Продажный язык, который славит царские триумфы и радуется мученичеству друзей, который моет руки в крови моей родины и, как заслугой, хвалится перед царем нашими

проклятиями». Пушкин ответил Мицкевичу стихотворением: «Он между нами жил, средь племени ему чужого; злобы в душе своей к нам не питал, и мы его любили... Но теперь наш мирный гость нам стал врагом — и ядом стихи свои, в угоду черни буйной, он напояет. Издали до нас доходит голос злобного поэта, знакомый голос!.. Боже! освяти в нем сердце правдою Твоей и миром».

— Кстати, декабрист А. Бестужев писал из ссылки своей матери: «Нет ни малейшего сомнения, что Польское королевство никогда не было так хорошо управляемо, как под русской властью».

7. АЛЕКСАНДР I

— Давеча вы упомянули о том, что Александр I велел благодарить Пушкина за добрые чувства, которые внушает его стихотворение «Деревня»... — сказал я. — Верно ли укоренившееся мнение будто бы Александр I относился к Пушкину с неприязнью и всячески преследовал его?

— Это далеко не так, — сказал Михаил Михайлович, — большинство биографов Пушкина изображает отношения, установившиеся между Александром I и Пушкиным, в совершенно неверном свете. Лучше всего я прочту вам, что по этому поводу мы находим в документах того времени.

— Так, Карамзин писал Дмитриеву в апреле 1820 года: «Над здешним поэтом Пушкиным если не туча, то по крайней мере облако, и громоносное: служа под знаменами Либералистов, он написал и распустил стихи на вольность, эпиграммы на властителей и проч., и проч. Это узнала полиция и т. д. Опасаются следствий. Хотя я уже давно, истощив все способы образумить

эту беспутную голову, предал несчастного Року и Немезиде; однако же, из жалости к таланту, замолвил слово, взяв с него обещание уняться ».

— Что же произошло с Пушкиным ? Подробный рассказ о событиях мы находим у полковника Глинки, доброго знакомого Пушкина, состоявшего чиновником по особым поручениям при петербургском генерал-губернаторе Милорадовиче: « Раз утром выхожу я из своей квартиры и вижу Пушкина, идущего мне навстречу. Пушкин заговорил первый. — « Я шел к вам посоветоваться. Вот видите: слух о моих и не моих пьесах, разбежавшихся по рукам, дошел до правительства . . . Теперь меня требуют к Милорадовичу ! Вот я и шел посоветоваться с вами . . . » Я сказал ему: « Идите прямо к Милорадовичу, не смущаясь, и без всякого опасения. Положитесь безусловно на благородство его души: он не употребит во зло вашей доверенности ». Мы расстались: Пушкин пошел к Милорадовичу. Часа через три явился я к Милорадовичу. Милорадович закричал мне навстречу: « У меня сейчас был Пушкин ! Мне ведь велено взять его и забрать все его бумаги; но я счел более деликатным пригласить его к себе и уж от него самого вытребовать бумаги. Вот он и явился, и когда я спросил о бумагах, он отвечал: Граф ! Все мои стихи сожжены ! — у меня ничего не найдете в квартире, но если вам угодно, все найдется здесь (указал пальцем на свой лоб). Прикажите подать бумаги; я напишу все, что когда-либо написано мною (разумеется, кроме печатного) с отметкой, что мое и что разошлось под моим именем. Подали бумаги. Пушкин сел и написал целую тетрадь . . . Завтра я отвезу ее государю ». На другой день я пришел к Милорадовичу поранее. Первым словом его было: « Ну, вот дело Пушкина и решено ! Я подал государю тетрадь и сказал: « Здесь все, что разбросалось в публике, но вам, государь, лучше этого не читать ». Государь улыбнулся на мою заботливость.

Потом я рассказал подробно, как у нас дело было. Государь спросил: «А что же ты сделал с автором». — «Я? Я объявил ему от имени вашего величества прощение». Помолчав немного, он сказал: «Не рано ли?» Потом, еще подумав, прибавил: «Ну, коли уж так, то мы распорядимся иначе: снарядить Пушкина в дорогу, выдать ему прогоны и, с соответствующим чином и с соблюдением возможной благовидности, отправить его на службу на юг».

— Карамзин писал по этому поводу Вяземскому: «Пушкин был, кажется, тронут великодушием государя, действительно трогательным. Если Пушкин и теперь не исправится, то будет чертом. Он дал мне слово уняться и благополучно поехал в Крым. Ему дали тысячу рублей на дорогу».

— Перед тем как отправиться на место своей новой службы, в Кишинев, Пушкин совершил пятимесячное путешествие по Новороссии, Кавказу и Крыму.

— Главной причиной неудовольствия Александра против Пушкина была его ода «Вольность», написанная в 1817 году, и в которой он воспевал цареубийство. Ода получила широкое распространение в списках и дошла до сведения властей в 1820 году. Согласитесь, что перемещение по службе Пушкина из Петербурга на юг является весьма мягким наказанием за воспевание цареубийства.

— Весьма любопытно письмо министра Нессельроде, одобренное Александром I и данное Пушкину для вручения генералу Инзову (наместнику Бессарабской области, на службу к которому был переведен Пушкин). Я прочту вам выдержки из этого письма: «Этот молодой человек уже ранее проявил гениальность необыкновенную. Его ум вызвал удивление, но характер его, кажется, ускользнул от взора наставников... Нет той крайности, в которую бы не впадал этот несчастный молодой человек, — как нет и того совершенства, которого не мог бы он достигнуть вы-

соким превосходством своих дарований... Несколько поэтических пьес, в особенности же ода на вольность, обратили на Пушкина внимание правительства... Г. г. Карамзин и Жуковский привели его к признанию своих заблуждений и к тому, что он дал торжественное обещание отречься от них навсегда. Г. Пушкин кажется исправившимся, если верить его слезам и обещаниям. Однако эти его покровители полагают, что раскаяние его искренне... Отвечая их мольбам, император уполномочивает меня дать молодому Пушкину отпуск и рекомендовать его вам... Судьба его будет зависеть от успехов ваших добрых советов». Из этого письма видно, как высоко Александр I ценил Пушкина, как поэта. Подтверждение этому мы находим также у Погодина, который записал в своем дневнике в сентябре 1823 года: «Говорили о Пушкине у графини Аграфены Ивановны Трубецкой... Государь, прочтя «Кавказского пленника», сказал: «Надо помириться с ним»...

Увольнение же Пушкина со службы и удаление его из Одессы в Михайловское было вызвано главным образом злополучным письмом Пушкина к Кюхельбекеру об атеизме, о котором мы уже говорили. Письмо это не было перехвачено на почте, как утверждают многие биографы Пушкина, а было распространено друзьями поэта в списках. По этому поводу Анненков писал: «Благодаря не совсем разумной гласности, которую сообщили этому письму приятели Пушкина и особенно А. И. Тургенев, носившийся с ним по своим знакомым, письмо дошло до сведения администрации». Это письмо не могло не повредить Пушкину, если принять во внимание то мистическое настроение, в котором пребывали в то время Александр I и его приближенные.

— Я прочту вам еще выдержку из письма Пушкина к Дельвигу, относящегося к февралю 1826 года: «Гонимый шесть лет сряду, замаранный по службе выключкою, сосланный в глухую деревню за две строчки

перехваченного письма, я, конечно, не мог доброжелательствовать покойному царю, хотя и отдавал полную справедливость истинным его достоинствам, но никогда я не проповедовал ни возмущений, ни революций — напротив ».

— Отношение Пушкина к Александру I было сложно, и оно менялось во времени. В лицейский период жизни Пушкин преклонялся перед Александром I и восторженно воспел его в стихотворении «Александру». А затем пришла полоса критики, отрицания, насмешки. С течением времени неприязнь Пушкина к Александру I понемногу ослабевает, и в стихотворении «19 октября 1825 года» он посвятил Александру I следующие строфы:

Полней, полней ! и, сердцем возгоря,
Опять до дна, до капли выпивайте !
Но за кого ? о други, угадайте . . .
Ура, наш царь ! так ! выпьем за царя.
Он человек ! им властвует мгновение.
Он раб молвы, сомнений и страстей;
Простим ему неправое гоненье:
Он взял Париж, он основал Лицей.

— Последнее высказывание Пушкина об Александре I мы находим в стихотворении: «Была пора: наш праздник молодой . . .», написанном в 1836 году. В нем он посвятил царю следующие строфы:

Вы помните, как наш Агамемнон
Из пленного Парижа к нам примчался.
Какой восторг тогда пред ним раздался !
Как был велик, как был прекрасен он,
Народов друг, спаситель их свободы !
Вы помните — как оживились вдруг
Сии сады, сии живые воды,
Где проводил он славный свой досуг.
И нет его — и Русь оставил он,
Взнесенну им над миром изумленным . . .

8. НИКОЛАЙ I И Н.Н. ПУШКИНА

— Некоторые из нынешних биографов Пушкина допускают, что Наталья Николаевна была любовницей Николая I, если не при жизни Пушкина, то во всяком случае после его смерти. Правда ли это? — спросил я.

— Пустое! Никогда Наталья Николаевна не была любовницей государя, ни кого бы то ни было другого, — ответила София Николаевна.

— Политические враги и светские сплетники-врали приписывали Николаю I бесчисленное количество любовниц, — продолжала София Николаевна. — О фрейлинах двора говорили, как о царском гареме. Все это — безбожный вздор. До брака Николай Павлович не находился в связи ни с одной женщиной. Он женился на дочери прусского короля Фридриха-Вильгельма, принцессе замечательной красоты. Александра Федоровна была первой любовью Николая. Николая и Александру Федоровну соединила глубокая взаимная привязанность. Они обожали друг друга: брак оказался необыкновенно согласным и счастливым. Николай I был примерным мужем, и при дворе царили строгие, даже суровые нравы. О каком-либо проявлении безнравственности при дворе не могло быть и речи.

— Безоблачная супружеская жизнь продолжалась более 25 лет. После 25 лет совместной жизни, Николай I продолжал трогательно обожать жену: « В императорской семье медовый месяц все еще продолжается », писала фрейлина фон-Гагерн.

— Николаю I была присуща одна слабость: он увлекался флиртом. Но этот флирт никогда не заходил далеко, он всегда сохранял благопристойный характер и оставался в должных границах. Для Николая I веселая болтовня с красивыми женщинами была развлечением после долгого и утомительного рабочего дня. Красавица баронесса Крюднер презрительно го-

ворила Смирновой, что «царь никогда не дойдет до конца: он придает странное значение верности». Николай I пользовался очень большим успехом у женщин. Оно и понятно. Представьте себе человека ростом в два метра, широкоплечего, стройного, пышущего здоровьем и силой, величавого, с очень правильными чертами лица, с «чертами античной камеи», как выразился один современник. Современники говорили о Николае I, как о самом красивом человеке в Европе; говорили, что он соединил в себе черты Юпитера и Аполлона. На людях, при исполнении императорских, так сказать, «обязанностей», он надевал маску строгого, сурового и непреклонного повелителя, маску земного божества. Но дома, в семейном кругу, в кругу друзей и красивых женщин, это был человек доброжелательный, приветливый, изысканно учтивый, благодушный, веселый, жизнерадостный, весьма остроумный, с очень приятными манерами и очень простой в обращении.

— В начале сороковых годов у Александры Федоровны объявилась болезнь сердца. Болезнь приняла тяжелую форму. Лечившие ее врачи дали понять царю, что Александра Федоровна больше не может быть ему женой. С этого времени Николай I с вящей нежностью заботился о ней.

— В 1845 году врачи посоветовали Александре Федоровне провести продолжительное время в Сицилии: они надеялись, что мягкий климат острова поможет больной. Императрицу сопровождали три фрейлины, среди них была Варвара Аркадьевна Нелидова.

— Нелидова не отличалась особенной красотой, но она пленяла всех ее знавших умом, приветливостью, прекрасным характером, сдержанностью, тактичностью и независимостью суждений. Корыстолюбие и тщеславие были ей совершенно чужды. Она вела очень строгий образ жизни.

— Дружба Николая I с Нелидовой завязалась в самом начале сороковых годов. Сперва она носила вполне платонический характер, но постепенно дружеские отношения перешли в взаимную глубокую любовь, и лишь несколько лет спустя, а именно во время пребывания двора в Сицилии, Нелидова сделалась любовницей государя. Это была первая и единственная любовница Николая I. Ложное положение, в котором очутился Николай I, очень его мучило: чувство глубокой привязанности к Александре Федоровне и любовь к Нелидовой раздирали его.

— Как же так случилось, что Лев Толстой в «Отце Сергии» и «Хаджи Мурате» пишет о любовницах царя? Ведь Толстой был очень хорошо знаком с обстоятельствами царствования Николая I, — спросил я.

— Толстой не мог, конечно, не знать, что у царя других любовниц, кроме Нелидовой, не было, так что этот великий правдолюбец заведомо писал неправду, — ответила София Николаевна. — Трагедия Толстого заключалась в том, что будучи человеком злого сердца («я злой, я никого в жизни не любил», писал он о себе), он заставлял себя делать добро. Поэтому-то все его добрые дела в какой-то степени отравлены ядом злобы: они делались не столько на пользу кому-нибудь, сколько во вред кому-либо другому. Так было с «Отцом Сергием», с «Хаджи Муратом» и с совершенно вздорным «Николаем Палкиным». Добрые цели этих произведений отравлены чувством злобы к Николаю I, которого Толстой ненавидел только потому, что Николай I был одним из наиболее ярких представителей государственной власти, столь ненавистной Толстому. Ослепленный фанатизмом, Толстой сплошь да рядом бывал жестоко несправедлив и злобно страстен в своих суждениях.

9. ВОРОНЦОВ, НИКОЛАЙ I, БЕНКЕНДОРФ

— Я уже говорила, что биографы Пушкина неизменно приукрашивают личность поэта, — сказала София Николаевна. — Пушкин где-то рассказывает о том, как в одном доме, где его ждали, детям сказали, что «Пушкин весь сахарный, а зад у него яблочный; его разрежут, и всем детям дадут по кусочку». Велико было разочарование детей, когда они увидели, что Пушкин не сахарный... Вот об этом-то сахарном Пушкине нам неизменно рассказывают. И должно быть для того, чтобы белизна этого сахарного Пушкина еще более выделялась, панегиристы Пушкина всячески чернят некоторых из его современников. В особенности достается от них Воронцову, Николаю I и Бенкендорфу. Как не был Пушкин сахарным, так не были Воронцов, Николай I и Бенкендорф теми извергами, какими их принято изображать. Многие пушкинисты, ослепленные наивной злобой к Воронцову, Николаю I и Бенкендорфу, представляют события того времени в совершенно искаженном виде. Славы великого поэта не убудет, если мы будем говорить правду о мнимых недругах его. «Наш долг по отношению к умершим — говорить о них только истину», сказал Вольтер. Как не согласиться с ним!

*
**

— Меня всегда смущало то, что Пушкин написал несколько чрезвычайно оскорбительных эпиграмм на Воронцова, из которых наиболее известна: «Полу-милорд, полу-купец, полу-мудрец, полу-невежда, полу-подлец, но есть надежда, что будет полным наконец», — сказал я, — в то время как современники отзывались о Воронцове, как об одном из просвещеннейших людей того времени, оказавшем России неисчислимы услуги.

— Знаете, эпиграммам Пушкина большого значе-

ния придавать не следует, — ответил Михаил Михайлович. — Пушкин принадлежал к тому разряду людей, которые для острого словца и отца родного не пожалеют. Так например, он написал на Толстого (которого Пушкин подозревал в распространении слухов о том, что он был высечен в Тайной канцелярии) несколько чрезвычайно оскорбительных эпиграмм, в которых он называл Толстого картежным вором, развратом изумившим четыре части света и т. п. Толстой ответил не менее язвительной эпиграммой. А затем, как ни в чем не бывало, Пушкин помирился с Толстым, и даже сватался через Толстого за Н. Н. Гончарову. А помните ли вы эпиграмму Пушкина на Гнедича, кривого на один глаз? «Крив был Гнедич поэт, преложитель слепого Гомера, боком одним с образцом схож и его перевод». Эта эпиграмма не помешала Пушкину написать восторженный отзыв на перевод «Илиады», сделанный Гнедичем, и написать не менее восторженные стихи, посвященные выходу перевода в свет («Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи...» и «С Гомером долго ты беседовал один...»). А вот еще один пример: Пушкин написал весьма обидную эпиграмму на артистку Колосову. Некоторое время спустя Катенин привел к Колосовой в уборную Пушкина. Колосова смеясь напомнила ему эпиграмму. Пушкин, конфузясь и целуя руку, перебил: — «Полноте, Бога ради! Позвольте мне взять с вас честное слово, что вы никогда не будете вспоминать о моей глупости, о моем мальчишестве».

— Мой отец был знаком с Воронцовым и неизменно отзывался о нем, как о благороднейшем, весьма умном и отменно образованном человеке, — продолжал Михаил Михайлович. — Пушкинские эпиграммы сильно изуродовали в глазах потомства подлинное лицо Воронцова.

— Воронцов был сыном российского посла в Лондоне. Первую свою молодость он провел в Англии, где

получил блестящее образование. С 21-летнего возраста начинается его боевая служба: он отличился на Кавказе, в шведской войне, в наполеоновских кампаниях и в турецкой войне. В Бородинской битве Воронцов был ранен. Отправившись на излечение в свое имение, он пригласил туда пятьдесят раненых офицеров и триста солдат, пользовавшихся у него заботливым уходом. По выздоровлении Воронцов возвратился в строй, участвовал в битве под Лейпцигом. При Краоне блистательно выдержал сражение против самого Наполеона. В боях Воронцов отличался холодной и спокойной отвагой. Он был одним из первых командиров запретивших телесные наказания в войске. Воронцов командовал русским оккупационным корпусом, занимавшим Францию. Уходя с корпусом из Франции, он из собственных средств заплатил долги всех офицеров корпуса, более полутора миллиона рублей. Это порядочно расстроило имущественные дела Воронцова. Он поправил их женившись на графине Браницкой, дочери великого коронного гетмана, принесшей ему огромное состояние.

— В начале двадцатых годов Воронцов был назначен новороссийским генерал-губернатором. Он был одним из энергичнейших и культурнейших государственных людей прошлого века. Его умелая деятельность значительно подняла процветание Новороссийского края. Воронцов расширил торговое значение Одессы до небывалых размеров, положил начало пароходству по Черному морю. Крым обязан ему развитием и усовершенствованием виноделия, устройством шоссе, окаймляющего южный берег, первыми опытами лесоразведения и т. п.

— Воронцов слыл либералом; он был противником крепостного права и не скрывал своего взгляда на необходимость его уничтожения в интересах всего государства. Он представил Александру I доклад о желательности постепенной отмены крепостного права.

Воспользовавшись законом 1842 года о «обязанных крестьянах», Воронцов отпустил своих крестьян на волю.

— Наружность Воронцова поражала своим истинно-барским изяществом. Высокий, худой, с благородными, точно резцом отточенными, чертами. Во внешности и в манерах его было что-то от английского лорда и вельможи екатерининского века.

— Воронцов был приветлив с низшими и учтиво-сдержан с равными и высшими. Подчиненные Воронцова сходились в его доме за обедом, который постоянно, даже в его отсутствии, был накрыт для служащих канцелярии. Кухня была отменная, а повар-француз — кулинарный артист. В первые месяцы своего пребывания в Одессе Пушкин часто обедал у Воронцова. Характерно, что все жалование, которое Воронцов получал в качестве генерал-губернатора, он распределял среди служащих своей канцелярии.

— В Одессе у Воронцова была замечательная библиотека, в которой хранилось около 40.000 книг и рукописей, среди них — много редчайших. Пушкин пользовался этой библиотекой: так, он переписал для себя мемуары Екатерины Великой, известные тогда только в списках и считавшиеся секретными, читал сделанные ею «Заметки» на книгу Радищева, познакомился здесь с многими редкими иностранными изданиями и т. д.

— В сороковых годах Воронцов был назначен главнокомандующим войск на Кавказе и наместником кавказским, где его деятельность была также благотворна, как и в Новороссии.

— Пушкин был переведен из Кишинева в Одессу хлопотами А. И. Тургенева. «Я говорил с Нессельроде и с графом Воронцовым о Пушкине. Он берет его к себе и будет употреблять, чтобы спасти его нравственность, а таланту даст досуг и силу развиться», писал Тургенев Вяземскому. В другом письме Тургенева

Вяземскому мы читаем: « Я сам два раза говорил Воронцову, истолковал ему Пушкина и что нужно для его спасения. Кажется, это пойдет на лад. Меценат, климат, море, исторические воспоминания, — все есть; за талантом дело не станет, лишь бы не захлебнулся ».

— Воронцов принял Пушкина очень ласково (« приезжает Воронцов, принимает меня чрезвычайно ласково », писал Пушкин брату). Пушкин был определен номинально на службу в канцелярию Воронцова, с жалованием в 700 рублей, но службы никакой не нес (лишь один раз Воронцов употребил Пушкина в дело, послав его в трехдневную командировку для собраний сведений о саранче, бывшей в то время бичом Новороссии).

— Воронцов принял Пушкина в круг своих знакомых, представил жене, и вскоре Пушкин стал членом интимного кружка, группировавшегося вокруг графини Воронцовой. Все знавшие Воронцову описывают ее, как женщину исключительной прелести и благородного изящества. Поклонников у нее был легион. Воронцова не оставалась равнодушной к блестящей молодежи, несшей к ее ногам дань восторгов и преданности. Добродетелями графиня не отличалась. Пушкин легко подпал под очарование Воронцовой и вскоре был без памяти влюблен в нее и настойчиво добивался ее взаимности.

— К Воронцовой относятся по-видимому следующие стихотворения Пушкина: « Ненастный день потух », « Сожженное письмо », « Желание славы » и « Храни меня, мой талисман ».

— Увлечение Воронцовой не помешало, впрочем, Пушкину иметь в Одессе еще несколько других романов. Случилось то, чего опасался Тургенев: в Одессе Пушкин повел жизнь более чем рассеянную. Он волочился напрапалую за женщинами, участвовал в постоянных кутежах, озорничал, крупно играл в карты, входил в долги, вращался в обществе людей недо-

стойных. Вяземская писала мужу из Одессы: «Какая голова, и какой хаос в этой бедной голове. Он все время дурачится и каждую минуту может из-за этого сломать себе шею. Я его усердно отчитываю». Жуковский писал Пушкину по поводу образа жизни, которую он вел: «До сих пор ты тратил жизнь с недостойною тебя и с оскорбительною для нас расточительностью, тратил и физически и нравственно. Пора уняться».

— Вскоре отношения между Воронцовым и Пушкиным стали портиться. Недовольство Воронцова Пушкиным было вызвано эпиграммой «Полу-милорд...», сделавшейся ему известной, распущенным образом жизни, которую вел Пушкин, а также ревностью вызванной настойчивым и афишированным ухаживанием Пушкина за графиней, породившим в городе сплетни об его к ней близости. Как далеко зашло это ухаживание мы не знаем, но все говорит за то, что отношения Пушкина к Воронцовой выходили за рамки обычного светского ухаживания за знатной дамой-красавицей.

— Случилось так, что Воронцов жестоко обидел Пушкина. Вот что пишет об этом Липранди: «Получены были из разных мест известия о появлении саранчи. Воронцов послал несколько военных и гражданских чиновников (от полковника до губернского секретаря); в числе их был назначен и Пушкин, положительно с целью, чтобы по окончании командировки иметь повод сделать о нем представление к какой-нибудь награде». Но неограниченно-самолюбивый, своевольный и раздражительный Пушкин решил, что с ним обошлись с недостаточным уважением, и он принял эту научно-административную командировку за оскорбление. Вяземский писал, что в этой командировке «Пушкин увидел злейшую иронию над поэтом-сатириком, принижение честолюбивого дворянина и, вероятно, паче всего одурачение ловеласа, подготовившего свое торжество».

— Я прочту вам письмо, написанное в это время

Воронцовым министру Нессельроде: « Я не могу пожаловаться на Пушкина за что-либо, напротив, казалось, он стал гораздо сдержаннее и умереннее прежнего, но собственный интерес молодого человека, не лишенного дарования, у которого недостатки происходят скорее от ума, нежели от сердца, заставляют меня желать его удаления из Одессы. Главный недостаток Пушкина — честолюбие. Он прожил здесь сезон морских купаний, и имеет уже множество льстецов, хвалящих его произведения; это поддерживает в нем вредное заблуждение и кружит ему голову тем, что он замечательный писатель, в то время, как он только слабый подражатель писателя, в пользу которого можно сказать очень мало, — лорда Байрона. Это обстоятельство отдаляет его от основательного изучения великих классических поэтов, которые имели бы хорошее влияние на его талант, — в чем ему нельзя отказать, и сделали бы из него со временем замечательного писателя » (см. примечание 3). Кончает Воронцов свое письмо следующим образом: « По всем этим причинам я прошу Ваше Сиятельство довести об этом деле до сведения Государя, и испросить его решения по оному. Ежели Пушкин будет жить в другой губернии, он найдет более поощрителей к занятиям и избежит здешнего опасного общества. Повторяю, Граф, что я прошу этого только ради него самого; надеюсь, моя просьба не будет истолкована ему во вред ».

— Словом, Воронцов отозвался о Пушкине в выражениях самых лестных. Трудно сказать какой ход дали бы власти делу, если б Пушкин не погубил себя злополучным письмом к Кюхельбекеру об атеизме, о котором мы уже говорили. В Петербурге решили, что Пушкин неисправим. Даже вечный заступник Пушкина, Карамзин, отступился теперь от него.

— Вскоре пришел ответ Нессельроде. Вот он: « Я подавал на рассмотрение Императора письма, которые Ваше Сиятельство прислали мне, по поводу коллеж-

ского секретаря Пушкина. Его Величество вполне согласился с вашим предложением об удалении его из Одессы, после рассмотрения тех основательных доводов, на которых вы основываете ваши предположения, и подкрепленных, в это время, другими сведениями, полученными Его Величеством об этом молодом человеке. Все доказывает, к несчастью, что он слишком проникся вредными началами. Вы убедитесь в этом из приложенного при сем письма. Его Величество поручил мне переслать его вам; об нем узнала московская полиция, потому что оно ходило из рук в руки и получило всеобщую известность. Вследствии этого, Его Величество, в видах законного наказания, приказал мне исключить его из списков чиновников министерства иностранных дел за дурное поведение... Император думает, что нельзя ограничиться только его отставкою, но находит необходимым удалить его в имение родителей, под надзор местного начальства».

— В своем решении отставить Пушкина от службы, Александр I пошел многим дальше, чем того просил Воронцов: Воронцов предлагал лишь перевести Пушкина по службе в другую губернию. Так что винить Воронцова в постигшей Пушкина каре нельзя.

— Друзья и знакомые Пушкина возлагали вину за происшедшее не на Воронцова, а на самого Пушкина. Я прочту вам, например, выписки из писем таких близких друзей Пушкина, как Вяземский и его жена. Вяземский всю вину на разыгравшееся в Одессе возлагает на Пушкина: «Пушкин кругом виноват...» А жена Вяземского писала: «Во всем виноват он сам. Он постарался выставить в смешном виде лицо, от которого зависит, и сделал это; это стало известно, и, вполне понятно, на него уже не могут больше смотреть благосклонно. Мне его очень жаль, но я еще не встречала столько ветрености и такой склонности к злословию, как в нем». В том же духе писал А. И. Тургенев Вяземскому: «Виноват один Пушкин... он

рвется в беду свою». В письме Булгакова к брату мы читаем: «О Пушкине, несмотря на прекрасные его стихотворения, никто не пожалеет. Кажется, Воронцов и добр, и снисходителен, а и с ним не ужился этот повеса».

— Впоследствии Пушкин объяснял свое поведение в Одессе пагубным влиянием на него А. Раевского. «Во время дружеских излияний он совершенно откровенно признает, что никогда он не натворил бы столько безумия и глупостей, если бы не находился под влиянием Раевского, который по всем данным, должен быть человеком весьма опасным», доносил фон-Фок Бенкендорфу.

— Следует отметить, что впоследствии Пушкин понял насколько его нападки на Воронцова были несправедливы. Так, Бартенев писал: «В дальнейшем Пушкин сознал неблагоприятность своих отношений к Воронцову и раскаивался в известных стихах («Полумилорд...» и пр.)».

— Те, кто отставили Пушкина от службы и предложили ему поселиться в Михайловском в сущности оказали ему очень большую услугу. «Я смотрел на этот отъезд Пушкина, как на событие самое счастливое в его жизни», писал Липранди. Действительно, удаление в Михайловское было очень благотворно для Пушкина: оно оторвало поэта от сутолки той легкомысленной жизни, которую он вел на юге, обстановка жизни в Михайловском и уединение позволили ему найти себя, дали его таланту окрепнуть, представили ему возможность пополнить пробелы своего образования, а жизнь среди крестьян позволила ему хорошо познакомиться с фольклором, оказавшим такое благотворное влияние на его творчество. Михайловский период был периодом окончательного обрусения Пушкина, периодом освобождения от иностранных влияний. В своих «Записках о Пушкине» Пуштин, побывавший в Михайловском, рассказывает: «Пушкин сказал, что

несколько примирился в эти четыре месяца с новым своим бытом, вначале очень для него тягостным: что тут, хотя невольно, но все-таки отдыхает от прежнего шума и волнения; с музой живет в ладу и трудится охотно и усердно». Эти два года, проведенные Пушкиным в Михайловском, были очень плодотворны: в Михайловском он написал «Бориса Годунова», три лучшие главы из «Евгения Онегина», «Графа Нулина», такие замечательные стихотворения, как «Сожженное письмо», «Я помню чудное мгновение», «Пророк» и т. д. В начале лета 1825 года Александр I разрешил Пушкину поселиться в Пскове, но поэт этим разрешением не воспользовался.

*
**

— Нынешние биографы Пушкина изображают в совершенно превратном виде отношения установившиеся между поэтом и Николаем I. Можно только удивляться их предвзятости и недобросовестности, — сказал Михаил Михайлович. — Каковы были отношения между Николаем I и Пушкиным в действительности? Посмотрим, что о характере этих отношений говорят сам Пушкин, Николай I и их современники.

— Вскоре по вступлении на престол Николая I, Пушкин стал хлопотать о разрешении выехать из Михайловского. Царь, находившийся в Москве по случаю коронации, вызвал туда Пушкина. Тотчас же после его приезда, Пушкин был представлен императору, который принял его очень ласково, долго и откровенно беседовал с ним (аудиенция в Чудовом дворце продолжалась более двух часов), разрешил ему жить где он хочет. Николай I спросил между прочим Пушкина: «Что же ты теперь пишешь?» — «Почти ничего, ваше величество: цензура очень строга», ответил Пушкин. — «Зачем же ты пишешь такое, чего

не пропускает цензура ? » — « Цензура не пропускает и самые невинные вещи: она действует крайне нерассудительно ». — « Ну, так я сам буду твоим цензором », — сказал государь, — « присылай мне все, что ты напишешь ».

— Пушкин был глубоко тронут приемом, оказанным ему царем. « Он вышел от царя со слезами на глазах, бодрым, веселым, счастливым. Государь его принял, как отец сына, все ему простил, все забыл, обещал свое покровительство », записал Смирнов. То же самое рассказывал Нащокин со слов Пушкина.

— В свою очередь Пушкин произвел на Николая I самое благоприятное впечатление. Умная, откровенная, почтительно-смелая речь поэта полюбилась государю. Вечером того же дня император, беседуя с Блудовым, назвал Пушкина умнейшим человеком в России.

— Свое отношение к Николаю I Пушкин выразил в « Стансах » (В надежде славы и добра гляжу вперед я без боязни . . .), написанных в 1826 году, и в стихотворении « Друзьям », написанном в 1828 году:

Нет, я не льстец, когда царю
Хвалу свободную слагаю:
Я смело чувства выражаю,
Языком сердца говорю.

Его я просто полюбил.
Он бодро, честно правит нами;
Россию вдруг он оживил
Войной, надеждами, трудами.

О нет ! хоть юность в нем кипит,
Но не жесток в нем дух державный;
Тому, кого карает явно,
Он втайне милости творит.

Текла в изгнанье жизнь моя;
Влачил я с милыми разлуку,
Но он мне царственную руку
Простер — и с вами снова я.

Во мне почтил он вдохновенье;
Освободил он мысль мою.
И я ль в сердечном умиленье
Ему хвалы не воспою ?

— Интересно отметить, что когда Пушкин представил Николаю I это стихотворение, царь сделал на нем надпись: « Это можно распространять, но нельзя печатать ».

— Имеются многочисленные свидетельства современников о преданности Пушкина к императорской семье. Я уже приводил слова Юзефовича о том, что Пушкин привязался душой к государю. Нащокин писал: « Пушкин очень любил царя и все его семейство. Императрица удивительно, как нравилась ему, он благоговел перед нею ». В дневнике Пушкина имеется запись о ней: « Я ужасно люблю царицу ». Пушкин воспел Александру Федоровну в восьмой главе « Евгения Онегина » под именем Лалла-Рук (впервые под этим именем ее воспел Жуковский; Лалла-Рук была героиней одноименной поэмы Томаса Мура).

— Весьма характерны два донесения Бенкендорфа царю, относящиеся к 1826 и 1827 гг.: « Пушкин автор в Москве и всюду говорит о Вашем Величестве с благодарностью и глубокой преданностью » и « Пушкин говорил в английском клубе с восторгом о Вашем Величестве и заставлял лиц, обедавших с ним, пить здоровье Вашего Величества ».

— Булгарин доносил фон-Фоку: « За ужином вспыхнула веселость, пели куплеты и читали стихи Пушкина. Барон Дельвиг подобрал музыку к стансам Пушкина, в коих Государь сравнивался с Петром. На-

чали говорить о ненависти Государя к злоупотреблениям и взяточности, об откровенности его характера, о желании дать России законы — и, наконец, литераторы так воспламенились, что вскочили со стульев с рюмками шампанского и выпили за здоровье Государя. Один из них предложил здоровье цензора Пушкина и все выпили до дна. Пушкин был в восторге и постоянно напевал: И так, молитву сотворя, во-первых здравие царя ».

— « Поэт Пушкин ведет себя отлично хорошо в политическом отношении. Он непритворно любит Государя и даже говорит, что ему обязан жизнью, ибо жизнь так ему наскучила в изгнании и вечных привязках, что он хотел умереть. Недавно был литературный обед, где шампанское и венгерское вино пробудили во всех искренность. Шутили много и смеялись и, к удивлению, в это время, когда прежде подшучивали над правительством, ныне хвалили Государя откровенно и чистосердечно. Пушкин сказал: « Меня должно прозвать или Николаем, или Николаевичем, ибо без Него я бы не жил; Он дал мне жизнь и, что гораздо более, — свободу: виват ! », писал фон-Фок в донесении Бенкендорфу.

— Со своей стороны Николай I благоволил Пушкину и покровительствовал ему. Чтобы обеспечить материальное положение поэта, государь велел принять его снова на службу в Министерство иностранных дел, назначил ему жалованье в 5.000 рублей; это был исключительно высокий оклад (« император сделал милость и определил мне жалование в 5.000 рублей; эта сумма огромна », писал Пушкин). Царь, назначая Пушкину жалование, не смотрел на него, как на чиновника — никаких обязанностей он ему не указал.

— Когда Пушкин задумал писать историю Петра Великого, царь разрешил ему заниматься в государственных архивах (такое разрешение давалось очень

редко, и только лицам пользовавшимся особым доверием императора).

— « Царь взял меня на службу — но не канцелярскую, или придворную, или военную — нет, он дал мне жалование, открыл мне архивы, с тем, чтоб я рылся там и ничего не делал. Это очень мило с его стороны, не правда ли ? Он сказал: « Так как он женат и не богат, то нужно позаботиться, чтоб у него была всегда каша в горшке ». Ей-Богу, он очень со мною мил », писал Пушкин Плетневу. В письмах Пушкина к Нащокину мы читаем: « Зимой зарююсь в архивы, куда вход дозволен мне царем. Царь со мною очень милостив и любезен. Того и гляди попаду во временщики . . . Царь взял меня на службу, т. е. дал мне жалования и позволил рыться в архивах для составления « Истории Петра I ». Дай Бог здравия царю ! » Николай I разрешил также Пушкину ознакомиться с библиотекой Вольтера, приобретенной Екатериной Великой: в библиотеке имелись документы о Петре и петровской эпохе. Доступ в библиотеку Вольтера был закрыт, и Пушкин был первым русским писателем, получившим разрешение работать в ней.

— « Император осыпал меня милостями с первой же минуты, как его царственная мысль направилась на меня. Есть среди них такие, о которых я не могу думать без глубокого волнения: сколько он вложил в них прямоту и благородства. Он был всегда для меня провидением », писал Пушкин Бенкендорфу. Ему же он писал о Николае I: « Кому я обязан всем, для кого я готов пожертвовать своим существованием, и это не фраза ».

— В 1834 году Пушкин обратился к Николаю I с просьбой отпустить из казны 20.000 рублей на издание « Истории Пугачевского бунта ». Деньги эти были ему выданы, и кроме того книга была напечатана за счет казны в типографии Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии.

В 1835 году Пушкин просил предоставить ему ссуду в 30.000 рублей. Государь разрешил эту ссуду. Этого рода долги обычно прощались или никогда не взыскивались.

— Когда началась в 1828 году война с Турцией, Пушкин обратился к Бенкендорфу с просьбой исходатайствовать у государя разрешение к определению его в действующую армию. Царь отказал ему в этом. Отказ очень обидел Пушкина, т. к. в нем он увидел проявление недоверия к нему. Но Ивановский, чиновник III отделения, успокоил Пушкина, объяснив причину отказа: царь отказал потому, что Пушкина пришлось бы определить в войска юнкером, а государь не хотел подвергать его опасности, его — «царя скудного царства родной поэзии». Год спустя Пушкин, не спрашивая разрешения у Бенкендорфа, отправился на Кавказ в армию Паскевича.

— Пушкин и его жена были приняты при дворе («Александр, я думаю, на седьмом небе», писала по этому поводу сестра поэта своему мужу). В 1833 году царь пожаловал Пушкину придворное звание камер-юнкера. Это назначение сначала сильно задело самолюбие поэта: он надеялся получить звание камергера; по летам своим (ему было тогда 34 года) он мог рассчитывать на звание камергера, но его нельзя было сделать камергером по причине его чина. Прослужив очень недолго, Пушкин вышел в отставку в Одессе в чине 10-ого класса (коллежского регистратора), в том самом чине, в котором он был выпущен из Царско-сельского лицея. При приеме его вновь на службу в 1831 году, царь дал ему чин 9-ого класса (титулярного советника). Звание же камергера было в обычае жаловать лицам, имевшим чин не менее 5-ого класса (статского советника).

— «Я пожалован в камер-юнкеры (что довольно неприлично моим летам) . . . Меня спрашивают доволен ли я моим камер-юнкерством? Доволен, потому

что государь имел намерение отличить меня », писал Пушкин в своем дневнике. В письме к Нащокину он писал: « Конечно, сделав меня камер-юнкером, государь думал о моем чине, а не о моих летах ».

— По поводу камер-юнкерства Пушкина С.Н. Карамзина писала Дмитриеву: « Пушкин боялся дурных шуток над его неожиданным камер-юнкерством, но теперь успокоился, ездит по балам и наслаждается торжественною красотою жены ». Весьма примечательно то, что писал по этому поводу Вяземский: « Нужно сознаться, — Пушкин не любил камер-юнкерского мундира. Он не любил в нем не придворную службу, а мундир камер-юнкера. Несмотря на мою дружбу к нему, я не буду скрывать, что он был тщеславен и суетен. Ключ камергера был бы отличием, которое он бы оценил, но ему казалось неподходящим, что в его годы его сделали камер-юнкером. Вот вся истина об его предубеждениях против мундира. Это происходило не из оппозиции, не из либерализма, а из тщеславия и личной обидчивости ».

— А теперь я расскажу вам малоизвестный случай, когда Николай I защитил Пушкина от нападков Булгарина (бывшего не только писателем, но и агентом Третьего отделения). Когда царь прочел в журнале « Северная Пчела » издевательский отзыв Булгарина о только что вышедшей седьмой главе « Евгения Онегина », он написал Бенкендорфу следующую записку: « В сегодняшнем номере « Пчелы » находится опять несправедливая и пошлейшая статья, направленная против Пушкина; к этой статье наверное будет продолжение: поэтому предлагаю вам призвать Булгарина и запретить ему отныне печатать какие бы то ни было критики на литературные произведения и, если возможно, запретить его журнал » (см. примечание 4).

— Мне вспомнился, к слову, случай, о котором рассказывает Смирнова: « Государь цензуровал « Гра-

фа Нулина». У Пушкина было сказано: урильник («Пикар ему приносит графин, серебряный стакан, сигару, бронзовый светильник, щипцы с пружиной, урильник и неразрезанный роман»). Государь вычеркнул это слово и написал «будильник». Это восхитило Пушкина: «Это замечание джентльмена».

— Пушкинисты никак не могут забыть о том недоразумении, которое произошло с «Борисом Годуновым». Николай I вернул Пушкину трагедию со следующей резолюцией: «Я считаю, что цель г. Пушкина была бы выполнена, если б с нужным очищением переделал комедию свою в историческую повесть или роман наподобие Вальтер Скотта». За недосугом царь не прочел сам трагедию, а поручил Бенкендорфу дать прочесть ее какому-нибудь знающему человеку. Выбор Бенкендорфа пал, увы, на Булгарина, который и дал неблагоприятный отзыв о трагедии. Впрочем, в то время все, включая и Пушкина, зачитывались романами Вальтер Скотта и считали его гениальным писателем. «Читаю романы Вальтер Скотта, от которых я в восхищении», писал Пушкин.

— Как бы то ни было, «Борис Годунов» был напечатан в 1831 году, в типографии Департамента народного просвещения, без каких-либо цензурных изменений. В первых числах мая 1830 года Пушкин писал Плетневу: «Милый! Победа! Царь позволил мне напечатать «Годунова» в первобытной красоте». В это же время он писал сестре: «Государь разрешил мне напечатать мою трагедию в таком виде, как я сочту нужным». В ответ на восторженное письмо Хитрово по поводу выхода «Бориса Годунова» Пушкин ответил: «Вы говорите об успехе «Бориса Годунова». Когда я писал его, я меньше всего думал об успехе. Это было в 1825 году — и потребовались милость императора, его великодушие, его широкий и свободный взгляд на вещи, чтобы моя трагедия могла увидеть свет».

— Николай I далеко не был профаном в области искусств. Из всех видов искусств его больше всего интересовали архитектура, живопись и музыка.

— Николай I унаследовал от своего отца и от бабки страсть к строительству. Ко времени воцарения Николая I Петербург существовал лишь немногим более ста лет, и на городе все еще лежала «печать временного и незаконченного», как выразился один иностранный дипломат. Тот парадный и величественный вид, который имеет Петербург, был им принят при Николае I. Время царствования Николая I было эпохой крупного строительства. Сооружением больших административных и общественных зданий ведали особые комиссии, действовавшие при непосредственном участии царя. При Николае I Дворцовая площадь приняла нынешний вид: архитектор Росси закончил постройку здания Генерального штаба, А. Брюллов построил Штаб гвардейского корпуса, Монферран воздвигнул Александровскую колонну; Росси построил замечательный ансамбль Александринского театра (сам театр, корпус Публичной библиотеки и Театральную улицу), а также здания Сената и Синода; А. Брюллов построил Михайловский театр; Штакеншнейдер — Маринский дворец; был воздвигнут величественный Исаакиевский собор и т. д.

— Николай I прекрасно разбирался в живописи, и сам рисовал под руководством художника Зауэрмайда. Он поручил архитектору Кленце построить новое здание для картинной галереи Эрмитажа. В основу музея легла богатейшая коллекция Екатерины Великой, которую царь пополнил купленными им картинами из собрания дворца Барбариго в Венеции, голландского короля Вильгельма II, Татищева и т. д. Николай I лично руководил устройством музея и отбором картин; многие картины были повешены им лично. Эрмитаж

сделался одной из четырех самых богатых картинных галерей в мире. Когда устройство музея было закончено, Николай I открыл Эрмитаж для публичного обозрения.

— Николай I очень любил музыку. При дворе был создан оркестр камерной музыки, в состав которого вошли композитор Львов, игравший на скрипке, граф Виельгорский — на виолончели, граф Апраксин — на контрабасе, музыкант Ауэр — на альту, а Николай I — на корнет-а-пистоне. Императрица Александра Федоровна аккомпанировала на рояле. Все известные музыканты, гастролировавшие в Петербурге, неизменно приглашались во дворец.

— Николай I охотно оказывал покровительство писателям: как я уже говорил, Пушкин получал ежегодное вспоможение в 5.000 рублей и неоднократно прибегал к помощи казны, Карамзин — 2.000 рублей (а когда Карамзин тяжело заболел, царь отпустил ему 50.000 рублей на лечение и велел снарядить особый фрегат для поездки Карамзина за границу), щедрую помощь царь оказал также Жуковскому, Гнедичу, Гоголю и другим литераторам.

— «Стоило только доложить государю Николаю Павловичу, что воспитанник Инженерной академии обладает талантом, чтоб ему сделали всевозможные льготы. Сколько в то время было военных, которые получали жалованье и в то же время были временно освобождены от службы и занимались в Академии художеств, или занимались музыкой», пишет художник Трутовский в своих «Воспоминаниях».

— Время царствования Николая I было поистине «золотым веком» в истории русской литературы. При Николае I развились таланты Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Кольцова, Баратынского, Белинского, Аксакова, при Николае I начали писать Тургенев, Некрасов, Гончаров, Щедрин, Достоевский, А.К. Толстой, Тютчев, Фет, Лев Толстой, Островский...

— Случилось так, что ближайшим посредником между царем и Пушкиным оказался Бенкендорф, — сказал Михаил Михайлович. — Бенкендорф был ветераном турецкой и наполеоновских войн; он выдвинулся благодаря своей храбрости и распорядительности. В 1821 году, будучи начальником штаба гвардейского корпуса, Бенкендорф подал Александру I доклад о тайных обществах в армии, который Александр I оставил без последствий. После смерти Александра I записка была найдена в его бумагах и обратила на Бенкендорфа внимание Николая Павловича. Бенкендорф был назначен шефом жандармов и начальником Третьего отделения. Как известно, Николай I исходил из теократического понимания своей личной ответственности за все, что происходит в государстве. Поэтому он не хотел довольствоваться черепашим темпом работы государственных учреждений, и поставил рядом с ними новое учреждение, Третье отделение, призванное непосредственно связать царя с народом, помимо бюрократического «средостения». На Третье отделение была возложена охрана порядка в стране, борьба с злоупотреблениями (взяточничеством, превышением власти, жестоким обращением с крепостными и т. п.), а также надзор за соблюдением добрых нравов. В продолжение первых тринадцати лет своего существования Третье отделение отнюдь не носило того зловещего характера, который оно приобрело с 1839 года, со времени назначения управляющим отделением Дубельта.

— Бенкендорф вовсе не был жестокосердным деспотом, каким нынче его изображают. Это был человек отнюдь не злой. Пушкин, несмотря на все притеснения, которые он протерпел от Третьего отделения, отзывался в своем дневнике о Бенкендорфе, как о человеке благовоспитанном, достойном и честном. В письме Гонча-

рову он писал: « Бенкендорф человек снисходительный, благонамеренный и чуть ли не единственный вельможа, через которого нам доходят частные благодеяния государя ». « Бенкендорф честный и достойный человек, слишком беспечный для того, чтобы быть злонамеренным, и слишком благородный, чтобы стараться повредить тебе », писал Пушкин Вяземскому. Австрийский посланник Война в рапорте Меттерниху отзывается о Бенкендорфе с большим уважением; он писал о его благородстве, рыцарстве, безупречной честности и отменной учтивости. Я расскажу вам случай хорошо характеризующий Бенкендорфа. Однажды он обошелся резко с поэтом Дельвигом (Бенкендорф был недоволен тем, что Дельвиг напечатал одно крамольное стихотворение Деламина). Но затем Бенкендорф послал к Дельвигу своего чиновника заявить, что сам он по нездоровью не может приехать к Дельвигу, чтобы просить извинения в том, что он погорячился, и что он поручает сделать это посланному.

— В первом же своем рапорте Николаю I, после назначения его начальником Третьего отделения, Бенкендорф писал: « Россия с нетерпением ждет реформ в области государственного управления. Лучшие люди страны утверждают, что если Император не преобразует Россию, то страна неизбежно придет в упадок ». Бенкендорф с большой смелостью говорил государю правду о злоупотреблениях, совершаемых чиновниками, о жестокости некоторых военачальников, о том зле, которое представляет собой крепостное право и т. д. К своим крестьянам Бенкендорф относился с большим человеколюбием. Когда его материальное положение пошатнулось, и он решил продать имение, то крестьяне Христом-Богом молили этого не делать: « Лучшего барина нам не найти ».

— Бенкендорф дела своего не любил, не был к нему ни рожден, ни воспитан, занимался им неохотно и являлся орудием лиц его окружавших. Бенкендорф

считал, что его призвание строевая, а не жандармская служба. Он не был корыстолюбив и энергично боролся со взяточничеством и со всякого рода злоупотреблениями, чем нажил себе много врагов.

— К литературе Бенкендорф был вполне равнодушен. В Пушкине он видел лишь беспечного, легкомысленного и ветреного проказника, который то и дело гляди набедокурит и за которым необходим неусыпный надзор. Он постоянно давал Пушкину советы, «желая предотвратить его от легкомысленных шагов». Вот, например, образец писем Бенкендорфа к Пушкину: «Его Величество Император, в совершенном отеческом попечении о вас, Милостивый Государь, удостоил поручить мне, генералу Бенкендорфу, — не как шефу жандармов, а как человеку, к которому Ему угодно относиться с доверием, — наблюдать за вами и руководить своими советами... Советы, которые я вам от времени до времени давал, как друг, могли вам быть только полезны, — я надеюсь, что вы всегда и впредь будете в этом убеждены».

— Эта «дружеская опека» не могла не тяготить Пушкина, с его свободолюбивым, независимым и беспечным характером.

— Создавшееся положение очень хорошо определил Жуковский в своем неотправленном письме к Бенкендорфу: «Государь пожелал оказать свое особое покровительство Пушкину, чтобы умиротворить его страсти и дать его таланту возможность всесторонне развиваться; а вы из сего покровительства сделали надзор, который всегда притеснителен, сколь бы, впрочем, ни был учтив и благороден, как все, что от вас истекает... В тридцатипятилетнем Пушкине все еще видели двадцатидвухлетнего».

10. « СУДЬБЫ НЕУМОЛИМОЙ НЕОТВРАТИМЫЕ ШАГИ »

— Я никак не могу понять, как случилось, что Пушкин женился на Гончаровой, — сказала София Николаевна. — Ведь Пушкин знал, что Наталья Николаевна его не любит, что она ему вовсе не пара, что ее совершенно не интересует все то, чем он живет, что к поэзии и к литературе она глубоко равнодушна и что, наконец, она не умна и необразованна. Еще до свадьбы Пушкин писал своей будущей теще: « Только привычка и длительная близость могли бы помочь мне заслужить расположение вашей дочери; я могу надеяться возбудить со временем ее привязанность, но ничем не могу ей понравиться; если она согласится отдать мне свою руку, я увижу в этом лишь доказательство спокойного безразличия ее сердца. Но будучи всегда окружена восхищением, поклонением, соблазнами, надолго ли она сохранит это спокойствие ?.. Не возникнут ли у нее сожаления ? Не будет ли она тогда смотреть на меня как на помеху ? Не почувствует ли она ко мне отвращения ? »

— В автобиографической заметке Пушкин объяснял свое волнение в ожидании окончательного ответа от Гончаровых тем, что он боялся не одного отказа, а боялся и согласия. Ушакова приписала к одному письму Пушкина, очевидно с его согласия: « Пушкин женится на Гончаровой, — между нами сказать, на бездушной красавице, и мне кажется, что он с удовольствием заключил бы отступной трактат ». Пушкин писал Плетневу: « Я хладею, думая о заботах женатого человека, о прелестях холостой жизни ». А накануне свадьбы Пушкин писал Кривцову: « Счастье только в избитых дорогах. Мне за 30 лет. В тридцать лет люди обыкновенно женятся... К тому же я женюсь без упоения, без ребяческого очарования. Будущность является мне не в розах, но в строгой наготе своей.

Горести не удивят меня: они входят в мои домашние расчеты. Всякая радость будет мне неожиданностью».

— Наружностью Пушкин и Гончарова также не подходили друг к другу. Рядом со стройной статной красавицей Натальей Николаевной, непригожий Пушкин имел вид «Вулкана при Венере», по замечанию Павлицевой. «Пушкин не любил стоять рядом со своей женой и шутя говаривал, что ему подле нее быть унижительно: так мал был он в сравнении с нею ростом», рассказывает Бартенев.

— Мог ли Пушкин составить счастье своей жены? Ответ на этот вопрос мы находим в письме Пушкина к Зубкову (написанном в 1826 году по поводу сватовства Пушкина к свояченице Зубкова): «Я содрогаюсь при мысли о судьбе, которая, быть может, ее ожидает — содрогаюсь при мысли, что не смогу сделать ее столь счастливой, как мне хотелось бы. Жизнь моя, доселе такая кочующая, такая бурная, характер мой — неровный, ревнивый, подозрительный, резкий и слабый одновременно — вот что иногда наводит на меня тягостные раздумья. — Следует ли мне связать с судьбою столь печальной, с таким несчастным характером — судьбу существа, такого нежного, такого прекрасного».

— Предложение Пушкина было принято не сразу; лишь через год он получил согласие. На худой конец Пушкин был все же не такой плохой партией для бесприданницы, проведеншей в Москве уже два потерянных даром зимних вывоза...

— В Петербурге Пушкины зажили рассеянной светской жизнью. По этому поводу Плетнев писал Жуковскому в 1833 году: «По вечерам Пушкин возит жену по балам, но не столько для ее потехи, сколько для собственной». «Пушкина нигде не встретишь, как только на балах. Там он протранжирует всю жизнь свою, если только случай и, более необходимость, не затащат его в деревню», писал Гоголь Данилевскому.

— А затем светская жизнь приелась Пушкину и

начала тяготить его. Пушкин уgomонился, его уж не так тянуло к светским развлечениям и к многолюдству, на которые он был так падок до сих пор. В июле 1834 года Пушкин пишет: «Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит... Давно завидная мечтается мне доля — давно, усталый раб, замыслил я побег в обитель дальнюю трудов и чистых нег». К этому стихотворению Пушкин сделал приписку: «О скоро ли перенесу я мои пенаты в деревню — поля, сад, крестьяне, книги; труды поэтические — семья, любовь и т. д. — религия, смерть».

— В письме к жене от 1834 года Пушкин писал: «Дай Бог плюнуть на Петербург, да подать в отставку, да удрать в Болдино, да жить баринном... Это не упрек тебе, а ропот на самого себя». Отъезд на продолжительное время в деревню был совершенно необходим Пушкину для творческих работ и для поправления материальных дел. Но тому было два препятствия.

— Первое препятствие заключалось в том, что Наталью Николаевну вовсе не соблазнял переезд в деревню на несколько лет, как того желал Пушкин. Покинуть жизнь большого света, двор, балы, рауты, маскарады, праздники, поклонников, наряды... Когда Пушкин заговаривал об отъезде в деревню, Наталья Николаевна заливалась слезами. Пушкин уступал. Справедливость требует, однако, отметить, что осенью 1836 года Наталья Николаевна сама предложила уехать в Михайловское. Отъезд не состоялся будто бы потому, что Пушкиным не на что было перебраться в деревню. Последнему трудно поверить. Я думаю, что тогда Пушкин сам не захотел уезжать из Петербурга из опасения, что светский Петербург сочтет его отъезд за бегство.

— Второе препятствие была служба. В июне 1834 года Пушкин подал прошение об отставке. Прошение было немедленно удовлетворено царем: «Его Императорское Величество не желает никого удерживать про-

тив воли». Жуковский, узнав об этом шаге Пушкина, возмутился. Он писал Пушкину: «Ты человек глупый, теперь я в этом совершенно уверен. Не только глупый, но еще и поведения непристойного... Глупость, досадная, эгоистическая, неизглаголанная глупость!» Жуковский назвал Пушкина животным, «которое своим хрюканьем оскорбляет слух всякого благовоспитанного человека», его прошение об отставке — безумной неблагодарностью. «Надобно тебе или пожить в желтом доме, или велеть себя хорошенько высечь, чтобы привести кровь в движение... Государь огорчен твоим поступком. Он тебя до сих пор любил и искренно хотел тебе добра. По всему видно, что ему больно тебя оттолкнуть от себя». Пушкин взял свое прошение об отставке обратно. Он писал Жуковскому: «Подал в отставку я в минуту хандры и досады на всех и на все. Домашние обстоятельства мои затруднительны, положение мое не весело; перемена жизни почти необходима». По поводу не состоявшейся отставки Пушкин писал жене: «На днях я чуть было беды не сделал: с тем чуть было не побранился. И трухнул-то я, да и грустно стало. С этим поссорюсь — другого не наживу». В другом письме он писал жене: «На днях хандра меня взяла; подал я в отставку. Но получил от Жуковского такой нагоняй, а от Бенкендорфа такой сухой абшид, что я вструхнул, и Христом и Богом прошу, чтоб мне отставки не давали».

— Год спустя, в июне 1835 года Пушкин написал Бенкендорфу: «Я поставлен в необходимость покончить с расходами, которые вовлекли меня в долги... Три или четыре года уединенной жизни в деревне снова дадут мне возможность по возвращении в Петербург возобновить занятия, которыми я еще обязан доброте Его Величества». На это письмо царь ответил: «Нет препятствий ему ехать, куда хочет; но я не знаю, как разумеет он согласить сие со службой? Спросить: не хочет ли отставки, ибо иначе нет воз-

возможности его уволить на столь продолжительный срок». Тогда Пушкин написал Бенкендорфу: «Единственные способы, которыми я мог бы упорядочить мои дела, были — либо уехать в деревню, либо получить займы крупную сумму денег». Дело кончилось тем, что царь дал Пушкину 30.000 рублей и отпуск на шесть месяцев.

— Для Натальи Николаевны в семейной жизни мало что было привлекательного, — продолжала София Николаевна, — как я уже говорила, вышла она замуж без любви. Ее жизнь с Пушкиным была нелегка. Так, она рассказывала Вяземской, что муж ее в первый же день брака, как встал с постели, так и не видел ее: к нему пришли приятели, с которыми он до того заговорился, что забыл про жену и пришел к ней только к обеду; она очутилась одна в чужом доме и заливалась слезами. Много тяжелых минут приходилось переживать Наталье Николаевне от ревности. Подозрения и ревность ее не были лишены основания. Пушкин не был однолюбом. Он всегда был готов увлечься всякой понравившейся ему женщиной. Женитьба в этом отношении несколько его не изменила. О женатом Пушкине поэт Языков писал своему брату: «Видно, брат, не права пословица: женится — переменится». С. Н. Карамзина писала в 1834 году, что жена Пушкина часто страдает мучениями ревности, потому что другие женщины не перестают кружить голову ее мужу. «Жена сначала страшно ревновала, потом стала равнодушной и привыкла к неверностям мужа. Сама оставалась ему верна, и все обошлось легко и ветрено», писала Вяземская.

— Вот послушайте, что писала по поводу установившихся у Пушкиных отношений Арапова: «Года протекли. Время ли отозвалось пресыщением порывов сильной страсти, или частые беременности вызвали некоторое охлаждение в чувствах Александра Сергеевича, — но чутким сердцем жена следила, как с каждым

днем ее значение ступенька в его кипучей жизни. Его тянуло в водоворот сильных ощущений . . . Пушкин только с зарей возвращался домой, проводя ночи то за картами, то в веселых кутежах в обществе женщин известной категории. Сам ревнивый до безумия, он даже мысленно не останавливался на сердечной тоске, испытываемой тщетно ожидавшей его женою ».

— Жизнь Натальи Николаевны делала трудной также материальная необеспеченность семьи, результат главным образом страсти Пушкина к картам. « За зеленым столом он готов был просидеть хоть сутки. В картах ему не везло, и играл он дурно, отчего почти всегда был в проигрыше », писал Нащокин. Принято обвинять Наталью Николаевну в том, что она была повинна в трудном материальном положении семьи своими тратами на наряды и т. п., но это не совсем верно. Все ее выездные туалеты, все, что у нее было роскошного и ценного — были подарками богатой тетки Натальи Николаевны, Загряжской, любившей ее как дочь. Она гордилась красотой племянницы, старушку тешило, что Наталья Николаевна могла поспорить изяществом с первыми щеголихами. Загряжская помогала Пушкиным также щедро деньгами.

— Что греха таить: Наталья Николаевна отличалась большим легкомыслием и беспечностью. Успех, которым она пользовалась в свете и при дворе, вскружил ей голову. Наталья Николаевна была хороша собой поразительно, и, естественно, поклонников у нее был легион. Это поклонение забавляло ее и льстило ее самолюбию, но она не отдавала себе отчета в том, что это порождало сплетни и мучительно озабочивало мужа. Е. Н. Карамзина говорила по этому поводу: « Наталья Николаевна была виновна только в чрезмерном легкомыслии и роковой самоуверенности, при которых она не замечала той борьбы и тех мучений, какие выносил муж . . . Она никогда не изменила чести ».

— Любопытен рассказ Корфа о беседе, которую он имел с Николаем I по этому поводу. Вот что сказал государь: «Под конец жизни Пушкина, встречаясь часто в свете с его женою, которую я искренно любил и теперь люблю, как очень добрую женщину, я раз как-то разговорился с нею о сплетнях, которым ее красота подвергает ее в обществе; я советовал ей быть сколько можно осторожнее и беречь свою репутацию и для самой себя, и для счастья мужа, при известной его ревности. Она, верно, рассказала это мужу, потому что, увидясь где-то со мною, он стал меня благодарить за добрые советы его жене. — Разве ты и мог ожидать от меня другого? спросил я. — Не только мог, — ответил он, — но, признаюсь откровенно, я и вас самих подозревал в ухаживании за моей женой».

— Время все увеличивало несоответствие между молодой красавицей, мечтавшей со всем пылом юности о светских успехах и удовольствиях, и стареющим, сильно пожившим поэтом, жаждущим сельского уединения, чтобы предаться творчеству. Как я уже говорила, Пушкину казалось, что единственным выходом для него было бы покинуть «свинский» Петербург и поселиться в Михайловском, в «обители дальней трудов и чистых нег». Пишут будто Пушкину не удалось осуществить свое намерение главным образом по вине Николая I. Но мы ведь знаем, что это не так: когда в 1834 году Пушкин подал прошение об отставке, его просьба была тотчас же удовлетворена государем; то же самое произошло, когда в следующем году Пушкин просил предоставить ему продолжительный отпуск. Но просьбы свои Пушкин брал обратно и оставался в Петербурге...

— В продолжение последних двух лет с Пушкиным происходило неладное. Томясь в Петербурге, он мечтал уехать на лоно природы, но когда он попал в деревню, через несколько дней уже он писал оттуда

нерадостные письма; в деревне ему было скучно, тоскливо и его тянуло вернуться в столицу.

— Из всех времен года Пушкин больше всего любил осень. Это была для него пора вдохновения, пора напряженной творческой работы. Пушкин всегда стремился проводить осенние месяцы в уединении на лоне природы. «Осень подходит. Это любимое мое время — здоровье мое обыкновенно крепнет — пора моих литературных трудов наступает», писал Пушкин Плетневу. Осенние месяцы, прожитые Пушкиным в Михайловском и в Болдине, были всегда куда как плодотворны. Но с 1834 года наступает перелом. В этом году он уехал в сентябре в Болдино и оттуда писал жене: «Скучно, мой ангел, и стихи в голову нейдут... Погожу еще немного, не распишусь ли». Пушкин так и не расписался и, прожив в Болдине лишь три недели, поспешил вернуться в Петербург. То же самое произошло в следующем, 1835 году: «Вообрази себе», — пишет Пушкин жене из деревни, — «что до сих пор не написал ни строчки». «Такой бесплодной осени отроду мне не выдавалось», писал он Плетневу. Пушкин собирался провести в сельском уединении три месяца, но прожив в деревне едва месяц, вернулся в Петербург. «Александр вчера возвратился, потому что до смерти соскучился в Тригорском», писала Павлицаева мужу.

— Ко всем прочим невзгодам Пушкина прибавилось расшатанное состояние здоровья. Соллогуб, бывший секундантом Пушкина на первой, несостоявшейся дуэли с Дантесом, говорил, что «на Пушкина надо было глядеть как на больного». «При свидании с братом в конце 1836 года Ольга Сергеевна, была поражена худобою, желтизною лица и расстройством его нервов. Александр Сергеевич с трудом уже выносил последовательную беседу, не мог сидеть долго на одном месте, вздрагивал от громких звонков, падения предметов на пол; не выносил ни крика детей, ни

музыки», писал Л. Павлицев. Этому расстройству нервов я приписываю то, что Пушкин, бывший нежным отцом, сек розгами четырехлетнюю Марию и трехлетнего Александра. Об этих наказаниях рассказывала Наталья Николаевна Анненкову, о них упоминает также в одном письме Павлицева.

— Последние два года жизни Пушкин страдал разливом желчи и приливами крови к голове. Так, Бартенев в своих «Записках», относящихся к 1835 году, писал: «По свидетельству лиц, близко знавших Пушкина, он иногда чувствовал такую горячность и приливы крови, что должен был освежать себе голову водой, для чего вдруг посреди оживленной беседы убегал в другую комнату». Тот же Бартенев записал: «Накануне поединка (16 января 1837 года) Пушкин обедал у графини Ростопчиной, супруг которой мне рассказывал, что до обеда и после него Пушкин убегал в умывальную комнату и мочил себе голову холодной водой: до того мучил его жар в голове». В последний год Пушкин жил в состоянии непрерывного раздражения, доходившего до ярости. Он страдал ненормальной мнительностью, и его раздражение доходило до того, что он во всем видел стремление его обидеть, оскорбить и унижить. Во всем вздоре до него доходившем он видел посягательство на его честь и имя. Он был недалек от мании преследования. Его болезненная мнительность была причиной того, что в последний год жизни любой намек, бросающий тень на его журнальную деятельность, любая глупая фраза, сказанная салонным повесой Наталье Николаевне глубоко ранили его. Эта мнительность была также причиной того, что в последние месяцы жизни Пушкин вызвал на дуэль без всякого серьезного повода Хлюстина, Репнина и Соллогуба.

*
**

— Среди многочисленных поклонников Натальи

Николаевны был блестящий кавалергард Дантес, приемный сын нидерландского посланника Геккерена. Живой, веселый, остроумный красавец-француз пользовался большим успехом в обществе. « Дантес, при довольно большом росте и приятной наружности, был человек неглупый, и хотя весьма скудно образованный, но имевший какую-то врожденную способность нравиться всем с первого взгляда », говорил Данзас. Дантес стал настойчиво ухаживать за Натальей Николаевной. Это ухаживание поощрялось ею. Вяземская предупреждала Пушкину относительно последствий ее обращения с Дантесом: « Подумайте, чем это может кончиться ! » — « Мне с ним весело. Он мне просто нравится. Будет то же, что было два года сряду ».

4 ноября 1836 года Пушкин получил безыменное письмо — « диплом ордена роноосцев », задевавшее честь его жены. Соллогуб в своих « Воспоминаниях » рассказывает, что утром 4 ноября его тетка Васильчикова, у которой он жил, получила пакет; распечатав его, она нашла другое запечатанное письмо с надписью: « Александру Сергеевичу Пушкину ». Соллогуб тотчас же отправился к Пушкину и передал ему это письмо. Пушкин распечатал конверт и сказал: « Я знаю, что это такое; такое письмо я получил сегодня же от Хитрово ». В сочинении присланного ему « диплома » Пушкин подозревал одну даму, имя которой он назвал Соллогубу. « Безымянными письмами я обижаться не могу », — сказал Пушкин. — « Если кто-нибудь сзади плюнет на мое платье, так это дело моего камердинера вычистить платье, а не мое ». Соллогуб писал, что Пушкин говорил спокойно, с большим достоинством, и, казалось, хотел оставить все дело без внимания. Но, увы, судьба распорядилась иначе: в тот же день Пушкин послал Дантесу картель, обвинив Геккеренов в авторстве пасквильного диплома, не имея, впрочем, никаких серьезных улик против них (впоследствии исследователи единодушно сошлись во мнении о не-

причастности Геккеренов к анонимному письму: его автором был светский шалопай Долгоруков).

— Однако поединок не состоялся, т. к. Дантес покатился к свояченице Пушкина, Екатерине Николаевне Гончаровой. Это обстоятельство Пушкин счел достаточным удовлетворением для своей чести, и он взял вызов обратно, заявив, что не имеет основания приписывать женитьбу Дантеса неблагородным соображениям, т. е. страху перед поединком. Следует, впрочем, отметить, что сватовство между Дантесом и Екатериной Николаевной было затеяно гораздо раньше вызова на дуэль. Так, в Москве, где в это время жил Сергей Львович Пушкин, о женитьбе Дантеса на старшей Гончаровой говорили уже во второй половине октября.

— Что побудило Дантеса вступить в брак с Екатериной Николаевной? Пушкинисты дают на этот вопрос разные ответы: для одних — Дантес хотел женитьбой успокоить сомнения Пушкина и спасти женщину, которую любил от нареканий света, для других — он надеялся усыпить этим браком ревность Пушкина и иметь, как свояк, свободный доступ к Наталье Николаевне, для третьих — он просто испугался дуэли, женитьба на Екатерине Николаевне спасала его от поединка. Полагаю, однако, что ни одно из этих предположений не соответствует действительности: Дантес искренно полюбил Екатерину Николаевну — вся их дальнейшая совместная жизнь, такая дружная и счастливая, служит тому порукой. Некоторые пушкинисты утверждают, что Дантес был принужден жениться на Екатерине Николаевне потому что она от него забеременела, и что она родила дочь в апреле 1837 года, т. е. три месяца после свадьбы. Это неверно: первый ребенок родился у нее 19 октября 1837 года в Эльзасе, в имении семьи Дантеса.

— Анонимный диплом полученный Пушкиным не был причиной, а был лишь поводом к вызову Дантеса на поединок, и, как я уже говорила, поводом необос-

нованным, т. к. пасквиль не исходил от Геккеренов. Чувство ревности в сущности также не могло быть причиной вызова на дуэль, т. к. Пушкин был тогда вполне убежден в верности Натальи Николаевны, а что же касается ухаживания Дантеса за ней, то это было со стороны последнего лишь светским « балагурством », как справедливо выразился Вяземский.

— Пушкина волновало не оскорбленное чувство мужа, а удар, нанесенный его положению в обществе. « Он дорожил своим великосветским положением », — пишет Соллогуб, — « жена его была только невинным предлогом, а причиной — его пристрастие к светской молве, к светским отличиям, толкам и условностям. Пушкин страшился светской молвы, страшился сделаться смешным перед светским мнением. Эта боязнь была причиной его смерти, а не г. Дантес, которого бояться ему было нечего. Он вступился не за обиду, которой не было, а боялся огласки, боялся молвы, и видел в Дантесе не серьезного соперника, не посягателя на его настоящую честь, а посягателя на его имя, и этого он не перенес ».

— По поводу вызова Пушкиным Дантеса на поединок Николай I писал Михаилу Павловичу: « Порицание поведения Геккерена справедливо и заслуженно: он точно вел себя, как гнусная каналья. Сам сводничал Дантесу в отсутствие Пушкина, уговаривал жену его отдаться Дантесу, который будто к ней умирал любовью, и все это тогда открылось, когда после первого вызова на дуэль Дантеса Пушкиным, Дантес вдруг посватался к сестре Пушкиной; тогда жена открыла мужу всю гнусность поведения обоих, быв во всем совершенно невинна ».

*
**

— В обществе все были уверены, что теперь дело о поединке вполне закончено. Как вдруг в конце ян-

варя 1837 года Пушкин написал Геккерену чрезвычайно оскорбительное письмо, вследствие чего поединок стал неизбежен. Геккерен показал письмо Дантесу, и тот вызвал Пушкина на дуэль (сам Геккерен, по официальному своему положению, драться не мог). О дуэли и поведении Пушкина судили вкривь и вкось. Никто не понимал, почему Пушкин написал это ужасное письмо, и что в точности вызвало поединок, когда женитьба Дантеса делала его, казалось бы, невозможным. Строились всякого рода предположения. Так, Соллогуб писал: «В последний год жизни Пушкин решительно искал смерти. Причины никто не мог знать. Что делалось в душе его известно только Богу». Того же мнения была дочь Карамзина. В том же смысле высказался на следствии и Дантес: «Ему просто жизнь надоела; и он решился на самоубийство». У Хомякова мы находим: «Причины к дуэли порядочной не было, и вызов Пушкина показывает, что его бедное сердце давно измучилось, и что ему хотелось рискнуть жизнью, чтобы разом от нее отделаться или ее возобновить». Муханов говорит о том же: «Хомяков справедливо полагает, что Пушкин был утомлен жизнью, и что он воспользовался первым поводом для того, чтобы от нее отделаться или ее возобновить». О том, что Пушкин искал смерти, писала также Вревская.

— Николаю I тоже не была известна причина этого второго вызова. Он писал по этому поводу Михаилу Павловичу: «Дотоль Пушкин вел себя, как каждый бы на его месте сделал; и хотя никто не мог обвинить жену Пушкина, столь же мало оправдывали поведение Дантеса, и в особенности гнусного отца его Геккерена. Но последний повод к дуэли, которого никто не постигает и заключающийся в самом дерзком письме Пушкина к Геккерену, сделал Дантеса правым в сем деле».

— В обществе многие порицали этот, казалось бы, необоснованный и безумный вызов. Так, Фризенгов,

будущий муж Александры Николаевны Гончаровой, писал: «Осуждение за трагическую развязку падало не на одного Геккерена, но несомненно также и на усопшего». К слову, еще в ноябре 1836 года Жуковский писал Пушкину: «В этом деле и с твоей стороны есть много такого, в чем должен ты сказать: виноват».

— Причина второго поединка стала известна лишь многим позже. Произошло следующее. Дантес назначил Наталье Николаевне свидание. Оно состоялось на квартире Идалии Полетика, подруги Натальи Николаевны, которая сама уехала из дому, оставив Наталью Николаевну наедине с Дантесом. На следующий день Пушкин получил безымянное письмо, сообщавшее о состоявшемся свидании. Письмо это Пушкин показал жене. Она не отпиралась и призналась мужу в том, что действительно была на свидании с Дантесом, но что это свидание носило совершенно невинный характер.

— Вот что писала по этому поводу Арапова, урожденная Ланская, дочь Натальи Николаевны от второго брака: «Года три перед смертью, Наталья Николаевна рассказала во всех подробностях разыгравшуюся драму нашей воспитательнице, женщине, посвятившей младшим сестрам и мне всю свою жизнь и внушавшей нашей матери такое доверие, что на смертном одре она поручила нас ее заботам, прося не покидать дом до замужества последней из нас. С ее слов я узнала, что дойдя до этого эпизода, мать со слезами на глазах сказала: Видите, дорогая Констанция, сколько лет прошло с тех пор, а я не переставала строго допытывать свою совесть, и единственный поступок, в котором она меня уличает, это согласие на роковое свидание... Свидание, за которое муж заплатил своею кровью, а я — счастьем и покоем своей жизни. Бог свидетель, что оно было столь же кратко, сколько невинно».

— После истории со своей несостоявшейся дуэлью с Дантесом, Пушкин обещал Николаю I, во время аудиенции, данной ему 23 ноября 1836 года, больше

не драться ни под каким предлогом, и теперь, когда Пушкин был смертельно ранен, он послал Жуковского просить прощения у государя за нарушенное слово. Николай I написал ему записку следующего содержания: « Дорогой друг Александр Сергеевич! Если Бог не приведет нам свидеться в здешнем мире, то прими совершенное мое прощение и последний совет: умереть христианином. О жене и детях не беспокойся: я беру их на свои руки ». Пушкин прочел записку и долго не выпускал листка из рук. Подлинник записки не сохранился, но Жуковский, Вяземский, А. И. Тургенев, доктор Спасский, все приводят приблизительно одинаковый текст. Как все приводят одинаково и ответ Пушкина, устно посланный царю: « Скажите государю, жаль, что умираю, весь был бы его ». « Эти слова », свидетельствует Вяземский, « слышаны мною и врезались в память и сердце мое по чувству, с коим были произнесены ».

— Некоторые нынешние биографы Пушкина утверждают, что он исповедался и причастился перед смертью лишь в угоду Николаю I. Этим он хотел, дескать, обеспечить будущее семьи. Они забывают, что Пушкин всю свою жизнь неизменно выполнял все церковные обряды: говел, исповедовался, причащался. К тому же просьба государя исполнить христианские обязанности пришла уже после того, как Пушкин сам выразил желание видеть священника.

— Царь позаботился о семье усопшего. Он велел заплатить долги Пушкина (их набралось до 140.000 рублей), заложенное имение отца очистить от долга, назначить пенсию вдове и дочерям до замужества, принять сыновей в Пажеский корпус и определить по 1.500 рублей на воспитание каждого до поступления на службу, выдать вдове одновременно 10.000 рублей и издать сочинения Пушкина на казенный счет в пользу вдовы и детей. Но когда Жуковский предложил перечислить все эти милости в особом рескрипте на смерть

Пушкина, как это было сделано на смерть Карамзина, Николай не дал на это своего согласия. А. И. Тургенев, друг Пушкина, писал, что несмотря на всю его привязанность к поэту и уважение к его гению, он одобряет решение государя, т. к. Пушкин умер на поединке. Церковь приравнивала смерть на дуэли к тягчайшему преступлению — к самоубийству; она воспрещала церковные похороны одинаково и самоубийц и погибших на поединке; с великим трудом удалось упросить митрополита Серафима разрешить церковные похороны Пушкина. Николай I был решительным противником дуэлей. Он говорил: « Я ненавижу дуэли. Это — варварство. На мой взгляд в них нет ничего рыцарского ». При Николае I участники поединков предавались военному суду и их ждала суровая кара.

— Когда по поводу смерти Пушкина Паскевич написал в частном письме Николаю I: « Жаль Пушкина, как литератора, в то время, когда его талант созрел; но человек он был дурной », царь ответил: « Мнение твое о Пушкине я совершенно разделяю, и про него можно справедливо сказать, что в нем оплакивается будущее, а не прошедшее ». Для сурового пуританина, каким был Николай I, эпикуреец Пушкин не мог не быть человеком дурной жизни.

— В письме Смирновой царь писал: « Рука, державшая пистолет, направленный на нашего великого поэта, принадлежала человеку, неспособному оценить того, в которого он целил. Эта рука не дрожала от сознания величия того гения, голос которого он заставил замолкнуть ». Приведу еще слова, сказанные Николаем I Киселеву: « Я теряю в нем самого замечательного человека в России ».

*
**

— Я прочту вам выдержки из письма Жуковского, написанного им 15 февраля 1837 года отцу поэта,

Сергею Львовичу. Впоследствии это письмо было напечатано в «Современнике», вышедшем в мае того же года. В составлении этого письма принял участие весь кружок друзей, бывших около Пушкина в последние его дни. Я предпочитаю первоначальный текст этого письма, т. к. обработка письма для печати лишила его того непосредственного чувства, которым оно было проникнуто, — сказала Софья Николаевна.

— Это письмо дает нам правдивую картину отношений, существовавших между поэтом и царем. Нынешние пушкинисты утверждают, что это письмо насквозь фальшиво: Жуковский в этом письме представлял Пушкина человеком глубоко преданным Николаю I, будто бы для того только, чтобы обеспечить семье усопшего пенсию. Это утверждение — совершеннейший вздор. Судьба семьи была решена царем до опубликования письма в «Современнике» и даже ранее 15 февраля, когда это письмо было написано.

— Пушкин никогда не сомневался, что в случае его смерти царь возьмет семью под опеку. Так, встретившись дней за десять до поединка с Вревской, Пушкин сообщил ей о своем намерении искать смерти. Тщетно Вревская успокаивала его. Пушкин был непреклонен. Наконец, она напомнила ему о детях его. — «Ничего», — раздражительно ответил Пушкин, — «император, которому известно все мое дело, возьмет их под свое покровительство». В записке к умирающему Пушкину царь писал, как я уже говорила: «О жене и детях не беспокойся: я беру их на свои руки».

— Распоряжение Николая I, касавшееся устройства судьбы жены и детей Пушкина, было написано тотчас после его смерти. Таким образом, повторяю, письмо Жуковского было написано уже после того, как царь сделал все что было нужно, дабы обеспечить семью Пушкина. Так что Жуковскому незачем было кривить душой.

— Словом, нынешние пушкинисты не правы от-

вергая письмо Жуковского. Напротив, я считаю, что это письмо является ценнейшим документом, обосновывающим все то, что я говорила об отношениях, существовавших между Пушкиным и царем. К тому же, подтверждение многому из написанного Жуковским мы находим в письмах Вяземского Михаилу Павловичу и Булгакову.

— Вот выдержки из письма Жуковского, которые я хотела вам прочесть.

— «Россия лишилась своего любимого национального поэта... У кого из русских с его смертью не оторвалось что-то родное от сердца ?

— «И между всеми русскими особенную потерю сделал в нем сам государь. При начале своего царствования он его себе присвоил; он отворил руки ему в то время, когда он был раздражен несчастьем, им самим на себя навлеченным; он следил за ним до последнего его часа; бывали минуты, в которые, как буйный, еще не остепенившийся ребенок, он навлекал на себя неудовольствие своего хранителя, но во всех изъявлениях неудовольствия со стороны государя было что-то отеческое... Государь потерял в нем свое создание, своего поэта, который принадлежал бы к славе его царствования, как Державин — славе Екатерины, а Карамзин — славе Александра. И государь до последней минуты Пушкина остался верен своему благотворению. Он отозвался умирающему на последний земной крик его; и как отозвался ? Какое русское сердце не затрепетало благодарностью на этот голос царский ?..

— «Простившись с Пушкиным, я опять возвратился к его постели и сказал ему: «Может быть, я увижу государя; что мне сказать ему от тебя». — «Скажи ему, — отвечал он, — что мне жаль умереть; был бы весь его»... Я рассказал государю о том, что говорил Пушкин... «Скажи ему от меня, что я поправляю его с исполнением христианского долга; о

жене же и детях он беспокоиться не должен: они мои...» Я возвратился к Пушкину с утешительным ответом государя. Выслушав меня, он поднял руки к небу с каким-то судорожным движением. «Вот как я утешен! — сказал он. — Скажи государю, что я желаю ему долгого, долгого царствования, что я желаю ему счастья в его сыне, что я желаю ему счастья в его России». Эти слова говорил слабо, отрывисто, но явственно... Государь император получал известия от доктора Арендта (который раз по шести в день и по несколько раз ночью приезжал навестить больного); государыня великая княгиня Елена Павловна, очень любившая Пушкина, написала ко мне несколько записок, на которые я отдавал подробный отчет ее высочеству согласно с ходом болезни. Такое участие трогательно, но оно естественно; естественно и в государе, которому дорога народная слава (а в этом отличительная черта нынешнего государя; он любит все русское)...»

— Николай I поручил Жуковскому, как другу Пушкина, в случае смерти последнего запечатать его бумаги и распорядиться ими. Жуковский изложил Николаю I свое мнение о том, как следует поступить с бумагами покойного: «1. Бумаги, кои по своему содержанию могут быть во вред памяти Пушкина — сжечь. 2. Письма от посторонних лиц к нему написанные, возвратить тем, кои к нему писали. 3. Оставшиеся сочинения как самого Пушкина, так и те, которые были ему доставлены для помещения в „Современнике“, и другие такого же рода бумаги — сохранить. 4. Бумаги взятые из государственных архивов и другие казенные бумаги — возвратить по принадлежности». Государь дал свое согласие на предложение Жуковского. Некоторое время рукописи оставались в опечатанном кабинете Пушкина, а затем их уложили в два сундука и отвезли на квартиру Жуковского, где и произошел разбор бумаг. В «товарищи»

Жуковскому государь назначил начальника штаба корпуса жандармов генерала Дубельта.

*
**

— « Смерть обнаружила в характере Пушкина все, что было в нем доброго и прекрасного. Она надлежащим образом осветила всю его жизнь. Все, что было в ней беспорядочного, бурного, болезненного, особенно в первые годы его молодости, было данью человеческой слабости, обстоятельствам, людям, обществу . . . Сколько было в этой исстрадавшейся душе великодушия, силы, глубокого, скрытого самоотвержения ! Ни одного горького слова, ни одной резкой жалобы, никакого едкого напоминания о случившемся не произнес он, ничего, кроме слов мира и прощения своему врагу », писал Вяземский великому князю Михаилу Павловичу.

*
**

— Три недели после смерти мужа Наталья Николаевна уехала с детьми в калужское имение брата. Уезжая в деревню, Наталья Николаевна исполнила волю мужа: « Ступай в деревню, носи по мне траур два года. Постарайся, чтоб забыли про тебя. Потом выходи опять замуж, но не за пустозвона ». Прожив в деревне два года, Наталья Николаевна вернулась в Петербург. Накануне Рождества 1841 года, покупая в магазине игрушки для детей, она встретила там Николая I, который также приехал покупать игрушки на елку. Это была первая встреча Натальи Николаевны с государем после смерти мужа. Наталья Николаевна вновь начала бывать при дворе и втянулась в прежнюю светскую жизнь. Вскоре затем она вышла замуж за генерала Ланского. В браке с ним Наталья Николаевна нашла то тихое, безмятежное счастье, которого не имела с Пушкиным.

— Впоследствии завистники Ланского приписали брак Ланского с Натальей Николаевной неблагоприятным соображениям, — прибавил Михаил Михайлович. — Мой отец был знаком с Ланским и отзывался о нем, как о благороднейшем человеке, неспособном на недостойный поступок. Блестящую карьеру, которую сделал Ланской, следует приписать его незаурядным личным качествам.

ГЛАВА 4

ДНЕВНИКИ ПУШКИНА

До нас дошел дневник Пушкина за 1834 год (или точнее с конца ноября 1833 года по февраль 1835 года). Дневник представляет собой альбом большого формата. После разбора рукописей Пушкина, сделанного Жуковским и Дубельтом, большая часть их была передана Наталье Николаевне. Среди переданных рукописей находился и этот дневник.

Затем дневник перешел к старшему сыну поэта Александру Александровичу, который удержал его у себя, хотя передал в 1880 году другие рукописи отца в дар Румянцевскому музею. Этот дневник постепенно публиковался по частям, по копии, сохранившейся в бумагах Анненкова, редактора собрания сочинений Пушкина. В 1903 году, по просьбе великого князя Константина Константиновича, президента Академии наук, Александр Александрович переслал в Петербург рукопись дневника для снятия полной копии. Впервые полностью дневник был опубликован в собрании сочинений Пушкина под редакцией Венгерова, в 1915 году.

После смерти Александра Александровича в 1914 году, рукопись дневника перешла к Марии Александровне Пушкиной, в замужестве Гартунг, а после ее смерти в 1919 году — к внуку поэта Григорию Александровичу Пушкину. Последний передал дневник в Румянцевский музей. В 1923 году дневник был напе-

чтан Государственным издательством, на этот раз не по копии, а по подлиннику.

*
**

Но вот что рассказала мне София Николаевна по поводу дневников Пушкина.

— В 1821 году Пушкин начал писать автобиографию, и он довел свои записки до конца 1825 года. А в 1830 году в «Родословной Пушкиных и Ганнибалов» Пушкин писал, что эти записки он сжег в декабре 1825 года из боязни, что они могли бы повредить его друзьям, замешанным в заговоре. В действительности же, находясь под надзором властей, и опасаясь обыска, Пушкин вообще не держал в Михайловском «опасных» рукописей и компрометирующих книг. Он отдавал их на хранение владелице соседнего Тригорского, П. А. Осиповой, с которой он был в весьма близких отношениях. Среди вверенных ей рукописей находился также дневник. В Тригорском рукописи и книги Пушкина хранились в ящике письменного стола, ключ от которого Пушкин всегда носил с собой. В бытности своей в сентябре 1835 года в Михайловском, он взял из Тригорского все, что там хранилось, многое сжег, а дневник за годы 1821 - 1825 увез с собой. В Петербурге Пушкин привел этот дневник в порядок, дополнил его и переписал, а черновик уничтожил. Так же поступил он с дневниками за годы 1826 - 1833. Что же касается дневников за годы 1834 - 1836, то привести их в порядок и перебелить Пушкин не удосужился, и они остались в черновиках. Существование дневников Пушкин скрывал от жены.

— После смерти Пушкина дневники очутились у Жуковского. Каким образом Жуковский овладел ими мне в точности не известно. По всей вероятности, умирающий Пушкин сам вручил их Жуковскому, не желая, чтобы они попали в руки властей, а главным образом,

полагаю, потому, чтобы их не прочла Наталья Николаевна. Впрочем, весьма возможно, что дневники сыздавна находились на хранении у Жуковского. Дневники могли очутиться в руках Жуковского и другим путем. После смерти Пушкина, секретарь Бенкендорфа опечатал кабинет, где скончался Пушкин, воспользовавшись для этого личной печатью Жуковского. Кабинет Пушкина находился опечатанным в продолжение десяти дней. Жуковскому было бы не трудно снять свою сургучную печать с двери кабинета, а затем наложить новую. Тотчас же после смерти Пушкина Бенкендорфу сообщили о том, что Жуковский унес из квартиры покойного какие-то пакеты. Жуковский написал Бенкендорфу письмо, в котором он не отрицал, что унес пять писем Пушкина к жене, которая сама дала их Жуковскому для прочтения. Если Жуковский решился унести эти письма, мы можем допустить, что он мог также вынести и дневники.

— Лишь много лет спустя, незадолго до своей смерти, Жуковский вручил дневники Наталье Николаевне, бывшей тогда уже много лет замужем за Ланским. Наталья Николаевна передала дневники своей дочери Наталье Александровне. От Натальи Александровны дневники перешли в 1878 году ее брату Александру Александровичу. В 1881 году Александр Александрович передал Румянцевскому музею в дар 43 письма Натальи Николаевны мужу, под условием, чтобы они стали общественным достоянием не ранее смерти последнего члена семьи Пушкина, считая и свою полу-сестру Елизавету от брака Натальи Николаевны с Ланским.

— Одновременно Александр Александрович передал Румянцевскому музею на хранение дневники Пушкина. Для него дневники отца были семейной собственностью, семейным документом, содержащим фамильные тайны. Они не подлежали опубликованию.

Поэтому Александр Александрович поставил условием чтобы дневники оставались под спудом и никогда не были опубликованы.

— Письма и дневники эти пролежали в рукописном отделении музея в запечатанных пакетах, никем не тревожимые, вплоть до Октябрьской революции. В 1919 году по инициативе поэта Брюсова, бывшего одним из заправил Комиссариата просвещения, был опубликован декрет об отмене права частной собственности на архивы умерших писателей. Государственное издательство потребовало от Румянцевского музея выдачи ему для издания всех еще не опубликованных материалов касающихся Пушкина. Музей заявил протест и возбудил ходатайство об изъятии его от действия декрета. Ходатайство это было отклонено. Тогда хранитель отдела рукописей, для которого воля наследников Пушкина была священна, унес письма и дневники из Музея и поручил верному человеку переправить их за границу.

— Где же теперь эти дневники ? — спросил я.

— Они находятся в надежных руках и в полной сохранности, — ответила с улыбкой София Николаевна.

— А что представляет собой опубликованный дневник Пушкина за 1834 год ?

— Это лишь черновик дневника, — ответила София Николаевна. — Предполагаю, что об нем забыли, и он остался в кабинете Пушкина. Дневник был отвезен со всеми другими рукописями на квартиру Жуковского, где разбор бумаг происходил в присутствии генерала Дубельта, так что скрыть его было нельзя. Дневник был прочтен Дубельтом, существование его стало известным, а потому Александр Александрович не отдал его на хранение в Румянцевский музей, сохранил его у себя, и даже позволил, хотя весьма неохотно, опубликовать его.

На этом София Николаевна прекратила разговор о неопубликованных дневниках Пушкина. Однако через

несколько дней я вернулся к ним, но я заметил, что разговор о дневниках был неприятен Софии Николаевне, и я не настаивал. Во время наших бесед лишь один еще раз был упомянут этот дневник; именно, когда Михаил Михайлович рассказывал об отношении Пушкина к декабристам.

*
**

В 1928 году, когда София Николаевна поведала мне, что дневники Пушкина находятся в полной сохранности за границей, мне не была известна история происшедшая несколько лет до того с Гофманом, сотрудником Пушкинского дома Академии наук. Об этой истории я узнал лишь в начале тридцатых годов.

Произошло вот что. В 1925 году, в издававшемся в Праге журнале «На Чужой Стороне», в статье, написанной Гофманом — «Еще о смерти Пушкина» — появилось следующее сообщение: «в 1937 году будет опубликован полностью неизданный еще большой дневник Пушкина (в 1100 страниц). Несомненно, что он прольет большой свет на историю дуэли и драму жизни Пушкина, подготовившую эту дуэль; сколько мы знаем, однако, этот дневник еще более реабилитирует честь его жены, чем все те материалы, которые были до сих пор в распоряжении пушкинистов».

Обещанная Гофманом публикация дневника не состоялась ни в 1937 году, когда истек столетний срок со дня смерти поэта, ни позднее.

Сведения о дневнике, опубликованные Гофманом в журнале «На Чужой Стороне», шли от внучки поэта, Елены Александровны, дочери Александра Александровича Пушкина. Елена Александровна эмигрировала за границу и вышла замуж в Константинополе за ротмистра Н. Розенмейера.

В 1922 и в 1923 году Елена Александровна писала из Константинополя советскому торговому представи-

телю в Париже: она предлагала ему приобрести у нее гербовую печать, принадлежавшую ее деду, и некоторые другие пушкинские реликвии. В одном из писем она писала: «Что касается до имеющегося неизвестного дневника (1100 страниц) и других рукописей деда, то я не имею права продавать их, так как, согласно воле моего покойного отца, дневник деда не может быть напечатан раньше, чем через сто лет после его смерти, то есть раньше 1937 года».

Предложение Елены Александровны не заинтересовало торгового представителя. К счастью с ее письмами познакомился Гофман, который незадолго до того был послан Академией наук за границу с целью приобретения собрания пушкинских рукописей и реликвий, принадлежавших коллекционеру-пушкинисту А. Ф. Отто-Онегину, проживавшему в Париже.

Гофман вступил в переписку с Еленой Александровной. В марте 1923 года Гофман получил от нее письмо, в котором она сообщала, что через две недели уезжает в Африку и просит поторопиться с приездом в Константинополь, «дабы я могла передать вам, как представителю Пушкинского дома, дневник и другие рукописи моего деда».

Академия наук отказала Гофману в просьбе отпустить средства на поездку в Константинополь и на покупку дневника. Гофману пришлось искать частные средства. Отто-Онегин обязался уплатить 10.000 франков за право хранения дневника у себя, с тем, чтобы он перешел после его смерти в Пушкинский дом Академии наук. Кроме того, он принял на себя часть расходов по поездке Гофмана в Константинополь.

В Константинополе Елена Александровна показала Гофману гербовую печать Пушкина и некоторые другие пушкинские реликвии. Но тут Гофмана ждало горькое разочарование: Елена Александровна отказалась передать ему пушкинский дневник. Гофман пытался было убедить Елену Александровну вручить ему

дневник; он говорил, что брать рукопись с собой в далекое путешествие — вещь рискованная, на что он получил заверения, что дневник находится в надежном месте.

Свою встречу с Еленой Александровной Гофман обстоятельно описал в статье, опубликованной в 1955 году в «Новом Журнале», издаваемом в Нью-Йорке. В этой же статье Гофман писал также, что в тридцатых годах он познакомился с братом Елены Александровны, Николаем Александровичем, проживавшем в Брюсселе, и хотел получить от него разъяснения относительно дневника. — «Я знаю наверное», — сказал Николай Александрович, — «что дневника у нее нет; где находится этот дневник, мне не известно, но помню, что в детстве видел его у отца». Гофман прекратил свои розыски.

В тридцатых годах за поиски дневника взялся знаменитый балетмейстер Лифарь: в 1935 году Лифарь начал подготовку пушкинской выставки, которую он собирался устроить в Париже в 1937 году. Лифарь разыскивал повсюду экспонаты. Он познакомился в Ницце с Еленой Александровной, где она поселилась по возвращении из Африки. Лифарь приобрел у нее в 1935 году несколько пушкинских реликвий, в том числе гербовую печать. Лифарь не преминул, конечно, спросить, что случилось с дневником: история неудачной попытки Гофмана приобрести у нее дневник была ему известна. Елена Александровна сказала Лифарю, что дневника у нее больше нет, но что она может указать лицо, которому судьба этого дневника известна. Лицо это, по ее словам, проживало в Константинополе. Лифарь послал в Константинополь доверенного человека, который разыскал там указанное Еленой Александровной лицо. Но дневника у него не оказалось. По словам этого лица, сведения о дневнике можно получить в Гельсингфорсе. Посланник Лифаря отправился в Финляндию. Он сообщил Лифарю, что дневник,

действительно, находится в Гельсингфорсе, и что лицо, которому дневник принадлежит, согласно продать его за очень крупную сумму. Таких денег у Лифаря тогда не было. Когда же через некоторое время Лифарь собрал нужные на приобретение дневника деньги, лицо, у которого он находился, ответило, что дневник ушел в другие руки.

*
**

В июне 1943 года я получил из Ниццы известие, что один очень дорогой мне человек опасно заболел. Поездка из оккупированной немцами Бельгии, где я жил, на юг Франции представляла большие трудности. Все же, дав большую взятку, мне удалось получить пропуск в немецкой комендатуре.

Мой друг, лежавший в ниццкой больнице, сообщил мне, что в соседней палате умирает от рака после двух операций внучка Пушкина, Елена Александровна, по мужу Розенмейер. Я посетил больную. Она была очень плоха. Поговорив с ней о том, о сем, я спросил ее:

— Как же обстояло дело с неопубликованным дневником Пушкина, который собирался купить у вас в Константинополе Гофман ?

Елена Александровна ответила мне, что у нее действительно был этот дневник, или вернее не сам дневник, а его копия, снятая, как говорил ее отец, у Жуковского. Оригинал дневника Александр Александрович отдал в Румянцевский музей, копию же сохранил у себя. Очутившись в Константинополе в очень трудном материальном положении, Елена Александровна решила продать эту копию дневника. Она познакомилась с одним весьма состоятельным человеком. Последний предложил ей за дневник крупную сумму денег, несравненно больше, чем мог бы заплатить Гофман. Как раз накануне того дня, когда Гофман приехал в Константинополь, дневник был передан в

руки этого человека. О посещении Елены Александровны в 1935 году в Ницце Лифарем и о поисках, им произведенных в Константинополе и в Гельсингфорсе, мне тогда ничего не было известно, так что разговора об этом между нами не было.

Я хотел было спросить имя того лица, которое купило у Елены Александровны дневник, но в это время в палату вошла сестра милосердия со шприцем в руке. Она сделала мне знак, что пора уходить. Я обещал прийти на следующий день. Но в тот день мне представилась оказия съездить в Грасс, побывать у Бунина. В Грассе я задержался до вечера. Так что в больницу я попал только на второй день. Сестра милосердия, ухаживавшая за Еленой Александровной, сказала мне, что в положении больной произошло резкое ухудшение. Действительно, я застал ее в полубессознательном состоянии. Она меня не узнала. А через несколько дней, 14 августа, она скончалась.

**

На ловца и зверь бежит. В бытности моей в 1957 году в Париже, я познакомился у друзей с одной дамой весьма преклонного возраста, но еще очень бодрой и разговорчивой. Звали ее Анной Сергеевной Антоновой. Узнав, что я живу в Бельгии, она сказала мне, что ее сын погиб восемнадцать лет тому назад в Бельгии и похоронен на брюссельском кладбище. Она попросила меня сходить на кладбище и посмотреть в каком состоянии могила.

— Когда были еще силы, я ездила время от времени в Брюссель на могилу сына, но теперь это мне невозможно.

— Вы говорите, что ваш сын погиб восемнадцать лет тому назад. Он был убит на войне? — спросил я.

— Нет, его убила одна женщина. Это произошло еще в 1939 году.

И она рассказала мне следующую историю.

— С раннего детства мой сын обнаруживал исключительное дарование к балету. Впервые он побывал на балетном спектакле когда ему было семь лет. С этого времени он буквально бредил балетом. Я и мой муж, мы были против того, чтобы он сделался балетным танцовщиком. Но в конце концов мы уступили и поместили его в русскую балетную школу в Париже. Директриса школы предсказала ему с самого начала блестящую будущность. И действительно, его первые же выступления на сцене были триумфом.

— К сожалению, мой сын увлекался не только балетом, но также автомобильным спортом. Он купил себе гоночную машину, на которой развивал по дорогам непозволительную скорость. Однажды, когда он возвращался таким образом из Орлеана в Париж, из боковой дороги выехал на шоссе грузовик. Коля начал тормозить автомобиль, но было уже поздно: его машина врезалась в грузовик. Сидевшая с ним рядом девушка была убита. У Коли были сломаны обе ноги и поврежден спинной хребет. Его отвезли в больницу в Вильжюив. Доктора сказали ему, что больше он не сможет танцевать. Вы можете себе представить какое это было для него горе.

— Но надо было жить, и Коля решил сделаться шофером такси. В это время чуть ли не треть парижских шоферов такси были русские. Но наши сбережения были недостаточны, чтобы купить автомобиль. Коля решил обратиться к одному нашему хорошему знакомому, который всегда ему покровительствовал. Он попросил одолжить недостающую на покупку машины сумму. Наш знакомый ответил Коле, что у него имеется для него в виду нечто многим лучше, чем карьера шофера такси. Взяв с него клятву никому не говорить о том, что он услышит, наш знакомый рассказал Коле весьма странную историю. Тут я должна сказать вам, что у моего сына никогда не было от меня секретов, и вопреки данной им клятве, он рассказал мне все, что

услышал от нашего знакомого. Вот как было дело. В 1937 году, когда отмечали столетие со дня смерти Пушкина, в Брюсселе распространились слухи, что будто бы там находится неопубликованный дневник Пушкина. Называли даже имя русской дамы, у которой он хранился. Слухи эти дошли до нашего знакомого. Ему удалось установить, что в двадцатых годах эта дама жила в Лондоне и была близкой знакомой внучки Пушкина. Он предполагал, что внучка Пушкина отдала дневник на хранение этой особе, к которой, по видимому, она питала большое доверие, из опасения, что после своей смерти дневник может попасть в руки людей, которые не преминут его опубликовать. * Вскоре после смерти внучки Пушкина эта особа вышла замуж за бельгийского богача Стевенса. Она поселилась с мужем в Брюсселе. Ее девичьей фамилии я не помню. Замужем госпожа Стевенс была не долго: ее муж погиб в автомобильной катастрофе.

— Наш знакомый предложил госпоже Стевенс продать ему дневник, но она ответила, что дневника у нее нет. Тем не менее наш знакомый был совершенно уверен, по причинам мне неизвестным, что дневник находится у нее, и что слухи о существовании дневника исходят от нее же. Он долго ждал случая овладеть дневником. Но вот в парижской русской газете появилось объявление о том, что в русский дом в Брюсселе требуется шофер: адрес был дан госпоже Стевенс. Наш знакомый предложил Коле наняться к ней, и когда подвернется случай, сфотографировать рукопись. Но он строго заказал ни в коем случае дневника не похищать. Он обещал озолотить Колю, если он удачно выполнит поручение. Мой сын написал госпоже Стевенс. Он был вызван в Брюссель, и действительно поступил к ней на службу.

* Такую участь постигли письма Пушкина, хранившиеся у Софии Николаевны, и проданные Михаилом Михайловичем Дягилеву (см. Примечание 1).

— В марте 1940 года госпожа Стевенс скоропостижно скончалась. Коля сообщил об этом нашему знакомому и просил его немедленно приехать в Брюссель. Сын же мой возвращаться во Францию не хотел, т.к. во Франции его призвали бы в армию... А 9 апреля мне сообщили, что Коля был убит женщиной, с которой он жил.

— А кто была эта женщина? — спросил я.

— Этого я не знаю: Коля лишь один раз упомянул в письме, что он познакомился с русской девушкой, но ни в какие подробности он не входил.

— А что же случилось с дневником?

— Не знаю. Мне известно только, что наш знакомый съездил в Брюссель уже после смерти Коли, и что напасть на след дневника ему не удалось.

Я решил побывать у знакомого госпожи Антоновой. Он принял меня весьма любезно. Но когда я попросил его подтвердить рассказ Антоновой, он помрачнел.

— Один чёрт знает, что в этой истории правда, а что нет. У меня эта история вот где сидит, — сказал он с большим раздражением и похлопал себя по затылку. — В случае, если вы задумаете писать о ней, то я запрещаю вам самым категорическим образом упоминать мое имя.

Вернувшись в Бельгию, я разыскал родителей мужа госпожи Стевенс. Они мне сказали, что их сын женился против их воли, и что они отказались принимать у себя эту «схизматичку». Девичьей фамилии невестки они не помнят, но знают, что венчание происходило на юге Франции в русской церкви. Таким образом установить девичью фамилию госпожи Стевенс не представляет большой трудности: достаточно просмотреть метрические книги за те годы русских церквей в Ницце, в Каннах и Ментоне, а также в соседнем Сан-Ремо.

У родителей мужа госпожи Стевенс никаких вещей, принадлежавших невестке, не оказалось: вскоре

после ее смерти, особняк на авеню Луиз был реквизирован немцами, в день же освобождения Брюсселя союзниками дом был разграблен местными же жителями, а затем англичане превратили его в казарму. Впоследствии особняк был снесен, и на его месте ныне высится большой доходный дом.

*
**

Я решил продолжать розыски и обратился к главному комиссару брюссельской полиции с просьбой отыскать в архиве дело об убийстве Николая Антонова. Дело это разыскали и, как я писал в первой главе этой книги, мне позволили ознакомиться с ним.

В деле имеется копия донесения, направленного полицией в Департамент государственной безопасности, « об обнаружении подложных документов у неизвестной, покончившей самоубийством ». Ответ департамента, также приложенный к делу, является простой отпиской, и он создает впечатление, что донесение департамент не заинтересовало, или же то, что неизвестная проживала по подложным документам департаменту было известно. Первое предположение маловероятно: дело о подложных документах не могло не заинтересовать департамент. Следовательно остается предположить, что департамент знал, что самоубийца проживала по подложным документам.

Я обратился к начальнику Департамента государственной безопасности с просьбой разрешить мне доступ в архив департамента, но потерпел неудачу. Начальник департамента сказал мне, что частные лица не допускаются к работе в архиве, и он добавил, что вообще весьма сомнительно, что что-нибудь относящееся к интересующему меня делу сохранилось, т. к. в начале войны большое количество дел было уничтожено из опасения, что они могут попасть в руки немцев. Начальник департамента посоветовал мне обра-

титься к одному отставному чиновнику, некоему Леемансу, служившему в департаменте в годы войны: быть может ему известно что-либо о деле.

Я посетил этого человека и объяснил ему, почему меня интересует дело о преступлении на улице Локсум. Лееманс, подумав, сказал мне:

— Если память мне не изменяет, женщина, покончившая собой, была причастна к советской шпионской организации, получившей впоследствии название «Красного оркестра». Эта организация начала работать в Брюсселе года за два до войны. Департаменту государственной безопасности существование этой организации было известно: департамент имел в ней своего осведомителя. За организацией наблюдали, но ее не трогали, потому что ее деятельность была направлена против Германии, в то время как бельгийское уголовное уложение преследует лишь шпионскую деятельность направленную во вред самой Бельгии и ее союзников.

— Быть может вы помните настоящую фамилию самоубийцы? — спросил я.

— Ну, где там. С того времени прошло без малого двадцать лет. Помню, что она была из княжеской семьи, и что она училась в католическом институте в Антверпене. Это мне запомнилось, потому что в том же институте училась моя покойная сестра.

Я съездил в Антверпен. Секретарша института принесла «золотую книгу», в которую записывали имена всех учившихся в институте. Среди учениц, принятых в 1922 году, значилась княжна Вера Торадзе, родившаяся в 1912 году.

Я начал наводить справки среди русских старожилов. Князей Торадзе никто не помнил. Когда я отчаялся уже узнать что-нибудь о них, мне встретился один пожилой русский, инженер в отставке, который, услышав фамилию Торадзе, воскликнул:

— Как же! С княгиней Торадзе я был знаком.

Встречался я с нею на приемах у директора завода, где я работал. Это была дама весьма представительного вида. Она страсть как задирала нос. Русскими она пренебрегала и водила знакомство только с богатыми бельгийцами. Она умерла еще до войны. Но в Брюсселе жила, а может быть все еще живет дочь моего покойного друга инженера Алексея Павловича Скворцова, бывшая подругой княжны Торадзе. Звали ее, кажется, Валентиной.

Разыскать Валентину Алексеевну Скворцову было делом не трудным. Я обратился в русскую библиотеку на улице Румани. Почти все русские, жившие в Брюсселе, были в то или другое время подписчиками библиотеки. В списке читателей библиотеки значилась и В. А. Скворцова.

Скворцова была пожилой дамой очень моложавого вида. На мою просьбу рассказать мне все, что она знает о семье Торадзе, она ответила с неудовольствием:

— Не люблю ворошить прошлое. Мало хорошего было в нем.

Но затем она разговорилась и рассказала мне следующее.

— Между нашей семьей и семьей Торадзе близкого родства не было, так — десятая вода на киселе. Сам Торадзе был в свое время человеком состоятельным, он торговал оптом кавказскими винами. Овдовев, он женился на гувернантке своих детей, рижской немке Маргарите Карловне Хапке. Это была рослая, видная блондинка с необыкновенно длинным и надменным лицом. От Торадзе у нее была дочь Вера. Сам Торадзе умер в начале революции от профессиональной болезни — подагры. В 1921 году Маргарита Карловна очутилась с Верой в Константинополе, где они страшно бедствовали. Я же с родителями жила тогда уже в Бельгии. Мой отец был инженером-химиком, и в России до революции работал на заводе, принадлежавшем одной бельгийской компании. В Бельгии нам повезло: отец

получил работу на заводе той же компании. Он помог Маргарите Карловне с дочерью перебраться из Константинополя в Бельгию.

— В Бельгии Маргарита Карловна разыгрывала роль большой аристократки. Ей удалось втереться в общество богатых бельгийцев, которым ее княжеский титул весьма импонировал. Ей дали какую-то синекуру, а дочь устроили в один из лучших католических институтов. В этом институте училась и я, но не в одном классе с ней: я была на несколько лет старше ее. Вера была поразительно хороша собой. Была она роста высокого, прекрасно сложена, черты лица у нее были необыкновенно правильными; она была блондинкой со смуглым цветом лица и с глазами чудесного изумрудного цвета.

— В институте с ней возились, как с писанной торбой, постоянно слышалось « наша княжна » да « наша княжна ». Воскресенья и каникулы она неизменно проводила у подруг, то в какой-нибудь вилле на берегу моря, то в каком-нибудь замке. Подруги брали ее с собой в поездки по Швейцарии, в Италию, на юг Франции. Ей делали постоянно ценные подарки... Словом, каталась она как сыр в масле. Мне же она клялась в жгучей ненависти к подругам и к их родителям: ее сжигала бешеная зависть. Вообще характер у нее был дьявольский. Но в обществе подруг она держала себя в руках и с большой ловкостью разыгрывала роль кроткого ягненка. Одна я знала ее настоящие чувства. Но вот за несколько недель до выпускных экзаменов с ней произошла беда: ее уличили в краже у одной из подруг какого-то очень ценного кольца. Все от нее отвернулось, и ей пришлось уйти из института. Мать ее к этому времени умерла, и Вера осталась одна на свете. Зарабатывала она на жизнь тем, что разносила по кафе афиши кинематографов. Затем она поступила, кажется, в какую-то контору. Вера окончательно озлобилась, характер у нее сделался совершен-

но невыносимый. Она начала ходить на коммунистические собрания и сделалась ярой большевичкой. Несмотря на всю свою красоту, большим успехом у мужчин она не пользовалась: уж больно была зла...

— Наконец, это было, кажется, в 1939 году, в нее влюбился какой-то богатый иностранец, и она сделалась его любовницей. Иностранец этот тратил на нее деньги не считая. Но раз со сна этот «иностранец» заговорил с ней по-русски. Тут-то ему пришлось сознаться, что он советский офицер, и что он послан в Бельгию следить за кем-то там. Я была единственным человеком, с которым Вера могла поговорить по душам, излить свое сердце, и она ничего от меня не скрывала.

— За несколько недель до нападения немцев на Бельгию, Вера рассказала мне совершенно невероятную историю: этот офицер поручил ей поступить на службу компаньонкой к одной богатой русской вдове, жившей на авеню Луиз, и выкрасть у нее какие-то бумаги. Лично я предполагаю, что это был лишь благовидный предлог, чтобы отделаться от нее: после нескольких месяцев совместной жизни, офицер не выдержал ее характера и решил от нее избавиться.

— В последний раз Вера была у меня за несколько дней до начала войны, и она рассказала мне, что любила какого-то русского балетного танцовщика. Больше я ее не видела. Думаю, что в мае сорокового года она бежала со своим танцовщиком во Францию, как это сделала охваченная паникой половина жителей Бельгии. Когда война кончилась, я пыталась ее разыскать, но безуспешно.

Я рассказал Скворцовой о том, что произошло на улице Локсум.

— Да, с ее характером она не могла хорошо кончить, — сказала она. — Поддельные документы ей дал, конечно, этот офицер.

— А не говорила ли она вам какие именно бумаги он велел ей похитить?

— Нет, этого она мне не говорила.

— По слухам, здесь в Брюсселе до войны жила одна русская, бывшая замужем за богачем-бельгийцем по фамилии Стевенс. Их особняк находился на авеню Луиз. У этой дамы будто бы хранился неизданный дневник Пушкина. Не говорила ли Вера Торадзе вам что-нибудь об этом ?

— Нет. Но о том, что в Брюсселе имелись какие-то неопубликованные произведения Пушкина ходили слухи среди русских еще в 1937 году, когда отмечали столетие со дня его смерти. Поскольку я помню, говорили, что эти произведения находились в руках потомков Пушкина. Речь шла, по-моему, не о не напечатанном дневнике Пушкина, а о каких-то непечатных его произведениях. Впрочем, возможно, что я путаю: сколько времени прошло с тех пор !

— Быть может вам известно имя этого офицера-разведчика ?

— Вера его никогда не называла по имени: сначала она звала его « мой друг », а затем « мой большевик ».

Итак, может считаться установленным, что за дневником Пушкина охотился не только парижский родственник Антоновой, но также и какой-то советский разведчик. Делал ли он это по собственной инициативе, или же по приказу из Москвы ? Думаю, что первое предположение более вероятно: вряд ли в это грозное время руководителей советской разведки в Москве могли интересоваться какие-то там дневники Пушкина. У нас имеются определенные сведения о том, что в 1939 году несколько советских разведчиков, не открывая своего « инкогнито », встречались в Брюсселе с русскими эмигрантами; от них они могли узнать о слухах, ходивших здесь относительно неопубликованных дневников Пушкина (см. примечание 5).

ПРИМЕЧАНИЯ

1.

Любопытна история этих одиннадцати писем. Перед отъездом за границу Натальи Александровны, Наталья Николаевна подарила дочери письма Пушкина к ней написанные. Вопреки воле братьев, Наталья Александровна поручила И. С. Тургеневу издать эти письма. Тургенев опубликовал их в 1878 году в журнале «Вестник Европы», издававшемся в Петербурге. За опубликование писем Тургенев уплатил Наталье Александровне тысячу рублей. Сыновья Пушкина считали переписку родителей семейной тайной, не подлежащей оглашению. И когда Тургенев опубликовал письма их отца, братья Пушкины решили будто бы Тургенева избить. «Вообразите!» — писал Тургенев, — «меня какой-то А. В. письменно предупредил, что сыновья Пушкина нарочно едут в Париж, чтобы поколотить меня за издание писем их отца (почему же меня, а не родную сестру, разрешившую печатанье?)» Негодование, овладевшее сыновьями Пушкина, привело к тому, что после опубликования писем, Наталья Александровна передала Александру Александровичу подлинники писем. Последний отдал их в Румянцевский музей. Десять же писем Пушкина к Наталье Николаевне, написанные когда она была его невестой, и одно письмо к его будущей теще Наталья Александровна подарила Софии Николаевне.

После смерти в 1928 году Софии Николаевны, Дягилев поставил себе целью во что бы то ни стало

сделаться собственником не одного письма, обещанного ему Софией Николаевной, но всех одиннадцати. Письма хранились у Михаила Михайловича. К этому времени материальное положение великого князя пошатнулось. Этим воспользовался Дягилев и купил у него в июле 1929 года все одиннадцать писем за 50.000 франков. Дягилев решил издать их, но смерть помешала ему осуществить свое намерение. Дягилевское собрание книг, его архив и письма Пушкина приобрел Лифарь. В 1936 году Лифарь издал весьма тщательно эти письма. Он издал полный французский текст их, в то время, как Тургенев опубликовал в «Вестнике Европы» лишь выдержки из этих писем в русском переводе.

2.

Между великим князем Михаилом Павловичем и Пушкиным образовались довольно близкие отношения. Началось с того, что весной 1830 года Михаил Павлович, будучи в гостях у Хитрово, увидел у нее портрет Пушкина и сказал: «Знаете ли, что я никогда не видел Пушкина близко; но по всему, что до меня доходит, я весьма желаю его узнать и особенно желаю иметь с ним продолжительный разговор». В середине тридцатых годов Пушкин часто виделся с великим князем и подолгу беседовал с ним. Так, однажды у Пушкина был большой разговор с Михаилом Павловичем о дворянстве. Пушкин говорил, что необходимо существование замкнутого и экономически крепкого дворянского сословия, что теперешнее разоренное дворянство с его просвещением, с ненавистью против аристократии, с его притязаниями на власть и богатство представляет такую страшную стихию мятежей, какой нет в Европе. «Кто был на площади 14 декабря? Одни дворяне», сказал Пушкин. Между прочим он сказал Михаилу Павловичу: «Вы весь в ваше семейство: все Романовы

революционеры и нивелировщики». На что великий князь ответил: «Спасибо! Так ты меня жалуешь в якобинцы! Благодарю. Вот репутация, которой мне не доставало». «Разговор», — пишет Пушкин в дневнике, — «обратился к воспитанию, любимому предмету его высочества. Я успел высказать ему многое. Дай Бог, чтобы слова мои произвели хоть каплю добра. Великий князь был очень любезен и откровенен».

Когда сестра поэта Кюхельбекера, осужденного на заключение в крепости за участие в заговоре декабристов, и совершившего 14 декабря 1825 года покушение на жизнь Михаила Павловича, обратилась к Пушкину с просьбой издать произведение ее брата «Ижорский», Пушкину удалось добиться разрешения опубликовать «Ижорского» благодаря содействию Михаила Павловича, который дал даже деньги на издание книги; книга была напечатана в типографии Третьего отделения.

3.

Биографы Пушкина приводят отзыв Воронцова о Пушкине: «Слабый подражатель Байрона...», как доказательство невежества Воронцова. В оправдание ему следует однако отметить, что в то время Пушкин находился в самом начале своего литературного поприща: он начинал только входить в известность, как автор нескольких стихотворений и поэм «Руслан и Людмила», «Кавказский пленник» и «Бахчисарайский фонтан» (в двух последних действительно сказывается сильное влияние Байрона). «Теперь Пушкина знают только по мелким стихам и по крупным шалостям», писал А. И. Тургенев Вяземскому. В своем письме Воронцов предсказал, однако, что со временем Пушкин может сделаться замечательным писателем.

Влияние Байрона в то время было у нас, увы, очень сильно. Пушкину, как и всей тогдашней моло-

дежи, очень импонировала байроническая разочарованность во всем, презрение к людям, манфредовская насмешка над «бедным кладом жизни». К счастью, увлечение Пушкина Байроном было непродолжительным: байронизм мало соответствовал действительной природе Пушкина, его светлому мирозерцанию и жизне-радостному характеру.

Любопытно отметить, что без малого четверть века после смерти великого поэта «воронцовское» мнение о Пушкине повторил основоположник нашего большевизма Чернышевский: «Слабый подражатель Байрона». Тот же Чернышевский назвал творчество Пушкина «вздором и роскошью». А другой критик того же лагеря, Писарев, писал: «Пушкин красиво описывает мелкие чувства, дрянные мысли и пошлые поступки; пользуется своей художественной виртуозностью, как средством посвятить всю читающую Россию в печальные тайные своей внутренней пустоты, своей духовной нищеты и своего умственного бессилия».

4.

Примечательно участие, которое принял Николай I в перепалке между «Литературной газетой», в которой писал Пушкин, и «Северной пчелой» Булгарина. В 1830 году Загоскин выпустил роман «Юрий Милославский», который имел большой успех. Но исторические романы писал также Булгарин. Он решил сбить конкурента и напечатал в «Северной пчеле» резкий отзыв о «Юрии Милославском». У Загоскина оказался заступник — Николай I. Роман пришелся ему по душе, а критика Булгарина настолько не понравилась, что он приказал Бенкендорфу сделать Булгарину выговор. Пушкин, не подозревавший, что у Загоскина нашелся такой высокий поклонник, поместил в «Литературной газете» хвалебный отзыв о «Юрии Милославском». На эту статью Булгарин ответил в «Северной пчеле»

так грубо, что царь приказал посадить Булгарина под арест.

А тут появилась в « Литературной газете » ядовитая критика Дельвига на новый роман Булгарина « Дмитрий Самозванец ». Булгарин решил, что писал ее Пушкин. Он напечатал в « Северной пчеле » « Письмо из Карповки », в котором поносил грубейшим образом Пушкина, а затем он напечатал в « Пчеле » критику на 7-ю главу « Евгения Онегина ». Тогда-то царь написал Бенкендорфу записку, которую привел Михаил Михайлович. Бенкендорф, чтобы оправдать Булгарина в глазах царя, послал ему критику Дельвига на « Дмитрия Самозванца » Булгарина. На это царь ответил, что он вполне согласен с Дельвигом.

Булгарин не унялся и через некоторое время поместил в своей газете « Второе письмо с Карповки », в котором он написал весьма оскорбительные вещи о происхождении Пушкина. Пушкин ответил стихами « Моя родословная ». Когда Пушкин представил « Мою родословную » Николаю I на цензуру, царь сказал Бенкендорфу: « Передайте от меня Пушкину, что я совершенно согласен с мнением его покойного друга Дельвига: такие низкие и подлые оскорбления, которыми его угостили, обесчещивают не того, к кому они относятся, а того, кто их произносит. Единственное оружие против них — презрение. Вот как бы я на его месте к этому отнесся ».

5.

Нам известны имена пяти советских офицеров-разведчиков, работавших в 1939 году в Бельгии. Все они принадлежали к « Красному оркестру ». Под этим названием стала известна советская шпионская организация, работавшая в Западной Европе с 1938 года по 1942 год. Первое время центр организации находился в Брюсселе. Во главе этой сети стоял советский

офицер Трепшер. В Брюсселе Трепшер жил на широкую ногу, как подобает богатому коммерсанту, за которого он себя выдавал. Главными помощниками Трепшера были два советских офицера: Макаров и Гуревич.

Макаров проживал в Бельгии с весны 1939 года по уругвайскому паспорту на имя Карлоса Аламо. Он вел образ жизни весьма состоятельного человека. Гуревич приехал в Бельгию летом 1939 года. Он проживал по паспорту на имя уругвайца Викентия Сиерра. Гуревич втерся с большой ловкостью в избранное бельгийское общество. Он вел очень широкий образ жизни.

В марте 1941 года Гуревич основал в Брюсселе торговое дело «Симекско», которое должно было служить ширмой для шпионской деятельности сети Трепшера. Дело в том, что немецкие власти предложили выходцам из нейтральных стран открывать в оккупированных странах торговые предприятия, целью которых должна была быть скупка на «черном рынке» всевозможных товаров и перепродажа их немецкому интендантству. Эти нейтральные фирмы получили от немцев большие льготы. Так, они могли свободно телеграфировать и телефонировать по всей Европе, их директора и служащие получали без затруднений пропуска, с которыми они могли ездить по всей Германии и по оккупированным странам. Так, Гуревич, например, побывал в Праге, Лейпциге, Париже, Берлине и т. д.

В августе 1940 года Трепшер был назначен главою советской разведки в Европе. Центром этой разведки сделалась столица Франции, и Трепшер со своей любовницей переселился в Париж. Главой же брюссельской сети сделался Гуревич. В Париже Трепшер основал торговый дом «Симекс», который, как и брюссельское «Симекско», занималось скупкой на «черном рынке» товаров и перепродажей их немцам.

Брюссельское «Симекско» и парижский «Симекс» оказали неоценимые услуги шпионской сети. Они позволили собрать по всей Европе множество информации

военного и экономического характера. Кроме того эти фирмы приносили огромные прибыли, шедшие на финансирование деятельности сети и на покрытие личных расходов ее руководителей.

Приближались грозные события 1941 года. Еще в начале этого года в Лондон и в Вашингтон стали доходить сведения о том, что Германия готовит нападение на Россию. Правительства английское и американское поспешили сообщить об этом Сталину. О неизбежности нападения немцев на Россию сообщала также советская разведка. Сталин не верил этим сообщениям и называл их английской провокацией. О том, что немцы готовятся к военным действиям против России, сообщил также и Треппер, которому удалось завести в Париже знакомства среди немецких офицеров; от них он узнал о предстоящем нападении на Россию.

Собранные сетью Треппера информации передавались в Москву по радио: в 1941 году в распоряжении сети имелись радиопередатчики в Брюсселе, Амстердаме и Берлине. Но радиопередачи были ахиллесовой пятой сети. Начать с того, что до дня как «заговорили» эти передатчики, немецкое командование даже и не подозревало о существовании сети. Немцы открыли существование шпионской организации лишь когда они начали перехватывать радиограммы, посылаемые этими тремя передатчиками.

Немцы создали особую группу из агентов контрразведки и Гестапо, получившей название «Командо К. О.». Целью этой группы было определение местонахождения передатчиков и ликвидация сети. Работа «Командо» была облегчена тем, что к этому времени немцам удалось настолько усовершенствовать технику радиопеленгации, что локализация передатчиков не составляла для них больших трудностей.

Случилось неизбежное: 12 декабря 1941 года передатчик, установленный в Брюсселе, был немцами

локализован. В их руки попал не только передатчик, но и великолепно оборудованная мастерская по подделке документов, находившаяся в этом же доме. Немцы арестовали двух разведчиков: радиста и шифровальщицу. В засаду попался также Макаров с одной из своих любовниц. После ареста Макарова, Гуревичу пришлось бежать: он скрылся в Марселе.

Треппер получил из Москвы приказ поставить во главе брюссельской сети советского офицера Ефремова. Ефремов жил в Брюсселе с 1939 года по паспорту на имя студента-финна. Треппер велел Ефремову пустить в ход запасной радиопередатчик, находившийся в Брюсселе, но немцам удалось очень скоро локализовать этот пост и арестовать радиста. Это был немец Венцель, член Коминтерна. Он рассказал немцам все, что знал о «Красном оркестре».

Затем в руки немцев попался Ефремов, который выдал многих агентов сети Треппера, в частности курьера сети, ездившего между Брюсселем и Амстердамом. Курьер в свою очередь выдал главу амстердамской сети «Красного оркестра» Винтерника. В руки немцев попал также передатчик амстердамской сети. Венцель, Ефремов и Винтерник перешли на службу в немецкую контрразведку.

Вскоре после этого был арестован в Брюсселе пятый советский офицер — разведчик Данилов, приехавший в Брюссель, как и остальные советские разведчики, в 1939 году. Данилов был выдан Ефремовым. От Ефремова немцы узнали также, что представляет собой брюссельская фирма «Симекско». Почти все причастные к брюссельской сети были арестованы и заключены в один из немецких концентрационных лагерей. Среди вывезенных в Германию находились также Макаров и Данилов.

Немцы решили, что захват ими брюссельского и амстердамского передатчика не должен стать известен в Москве, и что эти два передатчика будут продолжать

работать в целях дезинформации. С помощью Ефремова, Венцеля и Винтерника они посылали в Москву донесения, в которых довольно ценные для советской разведки сведения были обильно перемешаны с дезинформацией . . .

Во главе берлинской же сети « Красного оркестра » стояли два немецких офицера. Сеть имела своих агентов повсюду. Не было такого сектора военной, экономической и политической жизни Германии, о деятельности которого Москва не была осведомлена во всех подробностях. Слабым местом берлинской сети были радиопередачи. Берлинский радист был человек неопытный, из-за чего происходили частые перерывы в работе передатчика. В октябре 1941 года Гуревич получил из Москвы радиограмму с приказом съездить из Брюсселя в Берлин и наладить работу берлинского радиопередатчика. В этой радиограмме штаб советской разведки совершил оплошность, имевшую трагические последствия: в ней были указаны три адреса в Берлине, куда Гуревич должен был явиться. Гуревич наладил радиопередачи и вернулся в Брюссель. В июле 1942 года немцам удалось наконец расшифровать радиограммы ими перехваченные, среди них — злополучную радиограмму с адресами. Эта радиограмма позволила Гестапо напасть на след берлинской сети и арестовать 118 ее агентов. Итак, немцам удалось к концу лета 1942 года ликвидировать брюссельскую, амстердамскую и берлинскую сеть. Оставалась парижская сеть во главе с Треппером.

Немцы открыли роль, которую играла парижская фирма « Симеско », и они арестовали всех к ней частных. В Марселе немцы арестовали также Гуревича. Многие из арестованных были казнены, среди них двое русских эмигрантов: женщина-врач Максимович и ее брат Василий, горный инженер. На свободе оставался один Треппер. Немцы начали охоту на него; в этом им помогал Гуревич. Треппер был схвачен. Немцы

ликовали: парижская сеть была ликвидирована, «Красный оркестр» перестал существовать.

К Трепшеру немцы отнеслись вполне корректно (как мы увидим, он был им нужен). Его поселили в особняке в Нейи, под Парижем. В этом особняке, окруженном большим парком, были интернированы в вполне приличных условиях такие знатные заключенные, как президент французской республики Лебрен, испанский республиканский министр Ларго-Кабаллеро, князь Михаил Черногорский и другие. В этом же особняке поселили также Гуревича.

Для чего нужен был немцам Трепшер? Во второй половине войны некоторым столпам гитлеровского режима стало ясно, что Германия катится в пропасть, и что спасти ее может лишь заключение сепаратного мира с Соединенными Штатами и Англией, или же с Советским Союзом. Они решили произвести операцию, целью которой было поссорить союзников с советским правительством. Немцы решили, что лучший способ посеять рознь среди их врагов, это — уверить каждую из сторон, что Германия ведет переговоры о мире с другой. Чтобы осуществить этот проект, немцам было необходимо войти в контакт с советским правительством. Для этой цели они решили использовать Треппера и Гуревича и захваченные ими радиопередатчики в Брюсселе и в Амстердаме, все еще продолжавшие посылать дезинформацию в Москву. Начали с того, что Гуревич послал в Москву ряд сообщений о том, что германский министр иностранных дел будто бы ведет переговоры с англичанами.

В середине сентября 1943 года Трепшер бежал из заключения. В розысках бежавшего немцам помогал Гуревич, но Трепшер оставался неуловим.

Через два месяца после освобождения Парижа, в столицу Франции прибыла советская военная миссия. Трепшер явился в миссию и потребовал отправить его в Советский Союз. Вскоре Трепшер улетел в Москву,

где был арестован, судим и приговорен к 15 годам тюремного заключения.

Что случилось с Ефремовым мы не знаем. Ходили слухи, что ему удалось скрыться в Южную Америку, воспользовавшись документами, полученными им от немецкой контрразведки. Нам ничего не известно о дальнейшей судьбе Данилова, вывезенного, как мы уже знаем, немцами из Бельгии в Германию и заключенного там в концентрационный лагерь. Что же касается Макарова, то в феврале 1943 года он был приговорен немцами к смертной казни, но приговор не был приведен в исполнение. Его след теряется в одном из немецких концентрационных лагерей. При приближении союзных войск к Парижу, Гуревич бежал с немецкими контрразведчиками в Южную Германию, в Блюдензе. Блюдензе был занят французами, которые арестовали Гуревича и выдали его советской военной миссии в Париже. Миссия отправила Гуревича в Москву. Он был заключен в тюрьму на Лубянке, где в это время находился уже в заключении Треппер.

После смерти Сталина и Берии, Треппер, проведенный в тюрьме 10 лет, был освобожден и реабилитирован. Ходили слухи, что одновременно с Треппером был освобожден по амнистии Гуревич.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- АММОСОВ А. П., автор книги «Последние дни жизни и кончина Пушкина», 1863 г.
- АННЕНКОВ П. В. (1812-1887), критик, мемуарист, автор книг «Материалы для биографии Пушкина» и «Пушкин в Александровскую эпоху».
- АРАПОВА А. П. (1845-1919), дочь Н. Н. Пушкиной от брака с П. П. Ланским.
- БАРАНТ Э. барон де (род. в 1818 г.), сын французского посла в Петербурге.
- БАРТЕНЕВ П. И. (1829-1912), биограф Пушкина, автор книг «Пушкин в Южной России» и «Рассказы о Пушкине».
- БЛУДОВ Д. Н. граф (1785-1864), литератор, министр внутренних дел.
- БУЛГАКОВ А. Я. (1781-1863), московский почт-директор.
- БУЛГАРИН Ф. В. (1789-1859), журналист, беллетрист, злейший враг Пушкина.
- ВИГЕЛЬ Ф. Ф. (1786-1856), литератор, с 1823 г. бессарабский вице-губернатор, автор ценных «Записок».
- ВОЗНЕСЕНСКИЙ А. С., поэт, автор сборников стихов «Паутинные ткани» (1908 г.) и «Путь Агасфера» (1914 г.).
- ВРЕВСКАЯ Е. Н. (1809-1883), дочь П. А. Осиповой, близкая знакомая Пушкина.
- ВЯЗЕМСКИЙ П. А. князь (1792-1878), поэт, критик, близкий друг Пушкина, оставил ценные воспоминания; ВЯЗЕМСКАЯ В. Ф. (1790-1876), жена П. А. Вяземского, близкая приятельница Пушкина; ВЯЗЕМСКИЙ П. П. (1820-1888), сын предьдущих, автор воспоминаний о Пушкине.
- ГЕККЕРЕН Я. барон ван (1791-1884), нидерландский посланник в Петербурге, приемный отец Дантеса.
- ГЛИНКА Ф. Н. (1786-1880), поэт, полковник.
- ГОНЧАРОВ А. Н. (1760-1832), дед Н. Н. Пушкиной; ГОНЧАРОВА А. Н. (1811-1887), свояченица Пушкина, в замужестве баронесса Фризенгоф; ГОНЧАРОВА Е. Н. (1808-1843), свояченица Пушкина, в замужестве баронесса Дантес; ГОНЧАРОВА Н. И. (1785-1848), рожд. Загряжская, мать Н. Н. Пушкиной.

- ГОРБАЧЕВСКИЙ И. И. (1800-1869), подпоручик, декабрист, автор «Записок».
- ГОФМАН М. Л. (1887-1959), поэт, пушкинист.
- ГРЕЧ Н. И. (1787-1867), журналист, беллетрист.
- ГРОТ Я. К. (1812-1893), профессор, автор исследований о Пушкине.
- ДАНЗАС К. К. (1801-1870), полковник, лицейский однокашник Пушкина.
- ДАНИЛЕВСКИЙ Г. П. (1829-1890), писатель.
- ДАНТЕС Ж. барон (1812-1895), французский эмигрант, поручик Кавалергардского полка, приемный сын Геккерена, муж Е. Н. Гончаровой.
- ДЕЛЯВИНЬ К. (1793-1843), французский поэт и драматург.
- ДЕЛЬВИГ А. А. барон (1798-1831), поэт, однокашник и близкий друг Пушкина.
- ДМИТРИЕВ И. И. (1760-1837), поэт, баснописец, с 1810 г. министр просвещения.
- ДОЛГОРУКОВ П. В. князь (1816-1868), великосветский молодой человек; из озорства, без всякой вражды к Пушкину, изготовил анонимный диплом на звание рогоносца и разослал его знакомым Пушкина для передачи ему.
- ДУБЕЛЬТ Л. В. (1792-1862), генерал, с 1835 г. начальник штаба корпуса жандармов; ДУБЕЛЬТ М. Л., сын предыдущего, флигель-адъютант, за ним была в первом браке дочь Пушкина, Наталья.
- ДЯГИЛЕВ С. П. (1872-1929), выдающийся художественный и театральный деятель, основатель эстетической группировки «Мир Искусства», с 1907 г. организовал в Париже так называемые «русские сезоны» (симфонические концерты, оперные и балетные спектакли), имевшие триумфальный успех, создал балетную труппу «Русский балет», выступавшую за границей с 1909 по 1929 г и пользовавшуюся неизменно огромной популярностью; под конец жизни сделался страстным библиофилом.
- ЕЛЕНА ПАВЛОВНА великая княгиня (1807-1873), рожд. принцесса Вюртембергская, супруга в. к. Михаила Павловича.
- ЖУКОВСКИЙ В. А. (1783-1852), поэт, друг и покровитель Пушкина («мой гений-хранитель» — называл его Пушкин).
- ЗАГРЯЖСКАЯ Е. И. (1779-1842), статс-дама, тетка Н. Н. Пушкиной.
- ЗУБКОВ В. П. (1799-1862), советник Московской палаты гражданского суда, приятель Пушкина.
- ИВАНОВСКИЙ А. А., чиновник Третьего отделения, был близок к писательской среде; во время следствия над декабристами помог многим из них.

- КАРАМЗИН Н. М.** (1766-1826), писатель, историк, покровитель Пушкина; **КАРАМЗИНА Е. А.** (1780-1851), его жена; **КАРАМЗИНА Е. Н.** (1805-1856), в замужестве княгиня Мещерская, и **КАРАМЗИНА С. Н.** (1802-1856), их дочери.
- КАТЕНИН П. А.** (1792-1853), писатель, полковник в отставке, декабрист.
- КИСЕЛЕВ С. Д.** (1792-1851), отставной полковник, друг Пушкина; **КИСЕЛЕВ П. Д.** граф (1788-1872), брат предыдущего, генерал, видный государственный деятель.
- КОРФ М. А.** барон (1800-1876), однокашник Пушкина, занимал высокие государственные посты; оставил воспоминания о Пушкине.
- КРИВЦОВ Н. И.** (1791-1843), офицер, дипломат, с 1823 г. губернатор в Туле, друг Пушкина.
- КЮХЕЛЬБЕКЕР В. К.** (1797-1846), поэт, однокашник и друг Пушкина, декабрист.
- ЛАНСКОЙ П. П.** (1799-1877), генерал, второй муж Н. Н. Пушкиной.
- ЛИПРАНДИ И. П.** (1790-1880), подполковник, кишиневский и одесский приятель Пушкина, его «Воспоминания о Пушкине» отличаются добросовестностью и точностью.
- ЛИФАРЬ С. М.** (род. в 1905 г. в Киеве), знаменитый артист балета, «гений танца»; с 1923 по 1929 г. выступал в «Русском балете» Дягилева, с 1929 г. — в балете Парижской оперы; выдающийся балетмейстер и постановщик; писатель, пушкинист, коллекционер пушкинских реликвий.
- ЛОНГИНОВ М. Н.** (1823-1875), историк литературы, занимался подбором материалов о Пушкине.
- МЕРЕНБЕРГ Н. А.** — см. Пушкина Н. А.
- МЕЩЕРСКАЯ Е. Н.** — см. Карамзина Е. Н.
- МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ** великий князь (1861-1929), супруг внучки Пушкина, графини Меренберг-Торби.
- МУХАНОВ В. А.** (1805-1876), камер-юнкер, служил в Московском архиве министерства иностр. дел.
- НАССАУСКИЙ Николай** принц (1832-1905), офицер прусской армии, за ним была во втором браке с 1868 г. дочь Пушкина Наталья.
- НАЦОКИН П. В.** (1800-1854), помещик, московский друг Пушкина, с 1829 г. самый близкий ему человек.
- НЕССЕЛЬРОДЕ К. В.** граф (1780-1862), министр иностранных дел, канцлер.
- НИКИТЕНКО А. В.** (1805-1877), литератор, профессор, цензор, автор ценных воспоминаний.
- НОРОВ А. С.** (1795-1869), литератор, впоследствии министр просвещения.

- ОСИПОВА П. А. (1781-1859), владетельница села Тригорское, соседка и близкая приятельница Пушкина.
- ПАВЛИЩЕВА О. С. — см. Пушкина О. С.
- ПАВЛИЩЕВ Н. И. (1802-1879), чиновник и литератор, зять Пушкина; ПАВЛИЩЕВ Л. Н., сын предыдущего, чиновник, автор «Воспоминаний о Пушкине».
- ПАСКЕВИЧ И. Ф. князь (1782-1856), главнокомандующий войск на Кавказе.
- ПЛЕТНЕВ П. А. (1792-1865), писатель и журналист, профессор, с 1832 г. ректор Петербургского университета, близкий друг Пушкина.
- ПОГОДИН М. П. (1800-1875), публицист и историк, близкий друг Пушкина, его «Дневник» — ценный источник для биографии Пушкина.
- ПОЛЕВОЙ К. А. (1801-1867), литератор, автор ценных «Записок».
- ПОЛЕВОЙ Н. А. (1796-1846), писатель, историк, издатель «Московского Телеграфа».
- ПОЛЕТИКА И. Г. (ум. в 1889 г.), жена кавалергардского офицера, приятельница Н. Н. Пушкиной, злейшая ненавистница Пушкина.
- ПУШКИН А. А. (1833-1914), сын поэта, генерал.
- ПУШКИНА Е. А. (ум. в 1943 г. в Ницце), внучка поэта, по мужу Розенмейер.
- ПУШКИНА М. А. (1832-1919), дочь поэта, была замужем за генералом Гартунгом (ум. в 1877 г.).
- ПУШКИНА Н. А. (1836-1913), дочь поэта, была замужем с 1853 г. за флигель-адъютантом М. Л. Дубельтом, во втором браке с 1868 г. за принцем Н. Нассауским; получила титул и фамилию графини Меренберг.
- ПУШКИНА О. С. (1797-1868), сестра поэта, в замужестве Павлищева.
- ПУШКИН Н. А. (ум. в 1964 г.), внук поэта, с 1923 г. обосновался в Брюсселе.
- ПУЦИН И. И. (1798-1859), друг и однокашник Пушкина, офицер, затем судья, декабрист.
- РАДИЩЕВ А. Н. (1749-1802), писатель; Пушкин подверг суровой критике его «Путешествие из Петербурга в Москву» и другие его произведения.
- РАЕВСКИЙ А. Н. (1795-1868), полковник, одесский знакомый Пушкина.
- РЕПНИН Н. Г. князь (1778-1845), член Государственного совета.
- РОСТОПЧИНА Е. П. графиня (1811-1858), рожд. Сушкова, поэтесса.
- СЕРВЕ Ф. (1807-1866), известный бельгийский виолончелист.
- СВИНЬИН П. П. (1787-1839), литератор, журналист, археолог.

- СМИРНОВ Н. М. (1807-1870), помещик, чиновник Мин. иностр. дел, оставил краткие, но весьма ценные воспоминания о Пушкине; СМIRНОВА А. О. (1809-1882), жена предыдущего, рожд. Россет, фрейлина, приятельница Пушкина, автор «Записок».
- СОВОЛЕВСКИЙ С. А. (1803-1870), в молодости служил в Московском архиве Мин. иностр. дел, один из ближайших друзей Пушкина.
- СОЛЛОГУБ В. А. граф (1814-1882), при Пушкине — светский молодой человек, впоследствии — известный писатель; оставил воспоминания о Пушкине.
- ТОЛСТОЙ Ф. И. граф (1782-1846), по прозвищу — «Американец», полковник в отставке, писатель, путешественник, прославившийся своими авантюрами на Камчатке и Алеутских островах; враг, а затем друг Пушкина.
- ТОРБИ С. Н. графиня (1868-1928), внучка Пушкина, была замужем за великим князем Михаилом Михайловичем.
- ТУМАНСКИЙ В. И. (1800-1860), поэт, одесский приятель Пушкина.
- ТУРГЕНЕВ А. И. (1784-1845), писатель и критик; друг Пушкина, оставил ценные заметки о нем.
- УВАРОВ С. С. граф (1786-1855), президент Академии наук, с 1834 г. министр просвещения.
- УШАКОВА Е. Н. (1809-1872), московская знакомая Пушкина.
- ФОН-ФОК М. Я. (1777-1831), управляющий Третьим отделением.
- ФРИЗЕНГОФ Г., чиновник австрийского посольства в Петербурге; за него вышла замуж в 1852 г. А. Н. Гончарова, свояченица Пушкина.
- ХИТРОВО Е. М. (1783-1839), дочь М. И. Кутузова, большая приятельница Пушкина.
- ХЛЮСТИН С. С. (1810-1844), чиновник Министерства внутренних дел.
- ХОМЯКОВ А. С. (1804-1860), писатель, видный славянофил.
- ЧААДАЕВ П. Я. (1794-1856), до 1821 г. офицер; писатель и философ; один из ближайших друзей Пушкина.
- ЮЗЕФОВИЧ М. В. (1802-1889), литератор, оставил ценные воспоминания о Пушкине.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. ПРЕСТУПЛЕНИЕ НА УЛИЦЕ ЛОКСУМ . . .	7
Глава 2. В КАННАХ С ДЯГИЛЕВЫМ	11
Глава 3. ВЕЧЕРА НА ВИЛЛЕ ЛЮНА НОВА	19
1. «Я нашел Вога в своей совести и в природе, которая говорила мне о нем»	21
2. «Я никогда не проповедовал ни возмущений, ни революции — напротив»	28
3. «Бояр старинных я потомок»	34
4. «Остерегайтесь уничтожить рабство»	37
5. «Сумасшедшие, разве такая машина, как Рос- сия, может жить без самодержавия»	41
6. «Поляков надобно задушить»	51
7. Александр I	54
8. Николай I и Н. Н. Пушкина	59
9. Воронцов, Николай I, Венкендорф	62
10. «Судьбы неумолимой неотвратимые шаги»	84
Глава 4. ДНЕВНИК ПУШКИНА	105
ПРИМЕЧАНИЯ	123
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	135

Того же автора:

« МАЯКОВСКИЙ. Миф и действительность »

Париж, 1968.

« Необыкновенно насыщенная, необычайно умно составленная книга » (« Возрождение »).

« Книга ценна и интересна по документальному материалу. Ценна она и подходом к своей теме » (« Новый Журнал »).

« Эта ценная книга . . . дает нам подлинный облик поэта, а не тот, который был искусственно создан после 1935 года » (« Русская Мысль »).

**Prof. Dr. Serge Kosman
Ryckmansstraat, 32
2020 ANTWERPEN
Belgique - Бельгия**

ROSSEELS PRINTING C°
Vaartstraat 70 - 72
B-3000 LOUVAIN Belgium
